

НАТАЛЬЯ БАХТИНА

ВЛАДИМИР СТРЕЛЬНИКОВ

НА МУРОМСКИХ ДОРОЖКАХ

Наталья Бахтина

На Муромских дорожках

«Автор»

«Автор»

2026

Бахтина Н.

На Муромских дорожках / Н. Бахтина — «Автор», «Автор»,
2026

Муромские леса... Сколько про них сложено легенд, былин и мифов! Здесь реальность переплетается со сказкой и фантастикой, настоящее — с прошлым и будущим. Шестеро путешественников, которые сплавляются по живописной реке Суворощь, попадают по пути в разные передряги, а по вечерам у костра рассказывают друг другу фантастические истории.

© Бахтина Н., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Начало	6
История I. Лабириада	14
Вечер первый	39
История II. Жар-птица прилетает в полночь	40
Вечер первый, продолжение	42
История III. Артефакт	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Наталья Бахтина, Владимир Стрельников

На Муромских дорожках

"Фантастика – это наша реальность, доведённая до абсурда"

Рэй Брэдбери

Начало

Сонную дрему, сморившую немногочисленных пассажиров старенького «КАвЗа», прервал резкий металлический стук и звук шипящего пара. Автобус заглох, и салон быстро наполнил запах кислого пара с резким привкусом жжёного металла. Пока путники встревоженно крутили головами, пытаясь сориентироваться и рассмотреть в окнах хоть что-то в лесной чаще, проступавшей в рассветных сумерках, водитель уже выбрался наружу. Причём как-то странно – через верх двери, словно пытаясь залезть на крышу.

«КАвЗ-685», накренившись вперёд, стоял в очередной лесной луже, почти утопив в ней характерную «газовую» морду. Высокий поджарый Филиппыч, которому можно было дать лет 50-55, сидя верхом на крыле, распахнул капот, и оттуда вырвался целый клуб белого пара.

– Твою дивизию! (Далее следовала непереводаемая игра слов). Кешон, переноску давай! Похоже, отъездился Орешек...

Племянник, которого Филиппыч взял в долгую ночную поездку, начал копаться на водительском месте. Наконец нашёл смотанный в бухту провод с лампочкой на одном конце и двумя металлическими зубчатыми прищепками на другом. Обе семейные пары средних лет, как раз и нанявшие Филиппыча для доставки их с байдарками к началу туристического сплава, торопливо поднимали рюкзаки повыше на пассажирские сиденья – из-под передней двери в салон автобуса просачивалась тёмная вода.

Вот за капотом загорелась неяркая 12-ваттка самодельной переноски. Приглушённая непереводаемая игра слов повторилась в новом варианте.

– Что там, Филиппыч? – не выдержал один из туристов, Александр, крепкий мужчина лет 40-ка на вид, с возрастным животиком, модной сейчас бородкой без усов и просвечивающими залысинами над широким лбом.

– «Руку дружбы» движок показал... Блин, хотел же поршневую расточить! Дозакономился.

– Дядь Петь! – раздался ломающийся басок 17-летнего Иннокентия. – Ты же сам говорил, что денег на железо не было!

– Говорил. Что толку-то?

Пассажиры-мужчины по очереди заглянули под всё ещё паривший капот. Вид расколотого корпуса двигателя, с выглядывавшим через пробоину поршнем цилиндра, красноречиво говорил, что самостоятельно отсюда выбраться не удастся. По крайней мере на этом, любовно реставрированном из списанного школьного автобуса «КАвЗе». Кстати, вода перестала поступать в салон, в полном соответствии с законом сообщающихся сосудов достигнув уровня верхней кромки лесного водоёма, в который умудрился ухнуть их транспорт повышенной проходимости. При свете переноски стало понятно, что это даже не лужа, а скорее недавний бочажок: в яму из лесного ручья набралась вода, которая продолжала прибывать – на тёмной поверхности виднелась рябь от течения.

– Далеко мы от жилья? – спросила рассудительная жена Александра. Темноволосая, с короткой стрижкой, в шерстяном спортивном костюме, пытающаяся проморгаться после незапланированного пробуждения, сейчас Алёна больше напоминала крепкую селянку, чем строгую бизнес-леди.

– Да, почитай, добрались. Пара-тройка километров до плёса осталась! – задумчиво ответил Филиппыч. – А от нашего Чадаево вёрст семьдесят будет. Без малого.

Как и большинство жителей сельской глубинки, он предпочитал так именовать километры. Абсолютно игнорируя, что истинная верста, вообще-то, составляет 1066,8 метра.

– Если бы полчаса назад налево свернули, уже бы до Гришино, наверное, доехали. А теперь до него тоже с двадцатку. Да всё лесом.

Все грустно примолкли, пытаясь понять, как их угораздило застрять в глухом лесу посреди достаточно густо населённой Владимирской области. Пусть и почти на границе с Нижегородской.

– Пётр Филиппыч, вы же сказали, что до конца пути два-три километра?

– Ну да. Вот по этой самой бывшей дороге, – он указал на заросшее мелким кустарником направление движения в кондовом лесу, через которое уже второй час продирался автобус, – аккуратно на место бывшей Болотовки должны выйти. Рыбачил я там с кумом в прошлом году. От самой деревни уже ничего не осталось, а вот хороший песчаный плёс есть. Его ещё ваши байдарочники каждый год под стоянку оборудуют.

Живописная неторопливая река Суворощь, к которой стремились незадачливые туристы, привлечённые красотой Муромских лесов, уже давно использовалась для местных групповых туристических маршрутов.

– А этой дорогой часто пользуются? – робко спросила миловидная светловолосая Снежана, непроизвольно прижимавшаяся к мужу, полнокровному мужчине, чьё широкое красное лицом светилось в ореоле двухдневной щетины и по-купчески расчёсанных на стороны сильно отросших рыжеватых волос.

Филиппыч выпрямился на крыле «КАВЗика», внимательно осмотрел просыпающийся лес и остатки дороги за бочажком:

– Судя по отсутствию следов и свежих сломанных веток, в этом году мы тут первые. Мало кто сейчас лесом на бывшую Болотовку выбирается.

Туристы приуныли ещё больше. Поэтому Александр, являвшийся неформальным руководителем их группы, предпочёл вмешаться, начав загружать личный состав поручениями:

– Так, Кирилл, организуй нам костерок с подветренной стороны. Девчонки – на вас вода для чая. Филиппыч, как думаешь, вода из этого ручья чистая, или всё же бутилированную лучше распаковать?

Водитель слегка улыбнулся, лёгким кивком явно одоббив инициативу, и рассудительно ответил:

– Ежели чуть выше, вон там в сосняке набрать, то для чая самое то. Тут гадить некому. Приокские леса довольно чистые. Особенно такие старые. Кешон, нефиг прохладяться! Давай-ка с дровами Кириллу поможем.

* * *

Через час уже рассвело. Путники расчистили от бурьяна верхушку небольшого взгорка справа от автобуса, лопаткой взрезали дёрн и соорудили небольшой земляной очаг. Александр извлёк из тюка с палаткой складную металлическую треногу и прицепил на неё выдавший виды, ещё советский котелок. Его толстые чугунные стенки позволяли при необходимости использовать посуду не только как кастрюлю, но и в качестве сотейника, сковороды, противня и даже формы для выпекания хлеба.

Но сейчас из него разлили крепкий травяной чай из собранных у ручья зверобоя и листьев земляники, которые сдобрили парой щепоток чёрного байхового. Чтобы полноценно позавтракать, туристы разогрели три банки консервированной мясной каши, да нарезали свежего хлеба, которым запаслись в сельпо Чаадаево. У них имелись индивидуальные металлические кружки. Иннокентию водитель выделил складной пластиковый стаканчик, который возил в бардачке КАВЗа, а сам прихлёбывал чай из алюминиевой 750-миллилитровой фляжки. Как оказалось, армейская ёмкость в защитном суконном чехле, заполненная питьевой водой, до поры лежала у Филиппыча в автобусе рядом с рычагом переключения передач.

Почти сразу после аварийной остановки все проверили свои сотовые телефоны, но связи ожидаемо не оказалось. Не добивали окрестные вышки до лесной чащи. Иннокентий даже

полез на ближайшую ольху. Хрупкая вершинка под его весом обломилась, и парень чуть не сорвался. Но даже так не смог заставить айфон связаться с кем-либо.

Неудивительно, что после перекуса, хорошо успокоившего нервы, разговор у костра пошёл о вариантах дальнейших действий.

– Да что тут думать! – рассудительно протянул Филиппыч. – До места вас надо доставить. Уж три-то километра даже с вашими байдарками и рюкзаками осилим. Мы с Кешкой подмогнём. Так что до оговорённого места доставим, не переживайте! Расплатились-то вы честь по чести.

– А вы? – вскинулась сердобольная Снежана.

– А что мы? Вернёмся к повороту, да в Гришино потихоньку пойдём. Там трактор, либо грузовик какой помощнее наймём. Орешек же мой теперь без движка, да ещё в промоину эту ухнул... Без тягача никак не вытащить. Да и потом до ближайшего сервиса только на тросе его буксировать.

– А где он, ближайший?

– Ну, получается, в том же Гришино.

– Ядрён-протон, это сколько же вам пешком по лесу идти придётся? – нахмурился Александр. Филиппыч что-то прикинул в уме:

– Думаю, завтра за день доберёмся.

– Почему – завтра? – удивился Кирилл. – Если здесь, по вашим прикидкам, километров двадцать, то со средней скоростью пешехода пять километров в час часа за четыре можно управиться!

– Ты пешком часто путешествовал? – невесело улыбнулся водитель.

– Да как-то не очень, – смутился турист. – Мы раз в два-три года только на байдарках куда-нибудь вырываемся. А чтобы пешком...

– Понятно. Расчёт пешего марша по более сложной арифметике проводится. Вот смотри, сейчас начнём ваши вещи к переноске собирать. Думаю, для этого лучше волокушу сделать. На неё за раз и баулы с частями лодок и все припасы уместим. На это, по-хорошему, часа полтора нужно. Но группа несработанная, так что с учётом бардака смело два или два с половиной берём. Затем, тащить волокушу по такой густой поросли быстро у нас не получится. В лучшем случае – километра два-три в час. И это если на заболоченные участки больше не набредём. А ближе к реке их станет больше. Тут лес влажный, воды много. Так что смело ещё два часа плюсуем. Сейчас у нас полдевятого. К скольким мы на плёс выберемся?

– Часам к тринадцати? – быстро сообразил Кирилл.

– Думаю, где-то так. После такой работы серьёзный передых требуется. Да и перекус не помешает. В принципе, чай в термосе и бутерброды у нас есть. Так что за часок отдохнём.

– Что-то вы неправильно считаете! – возмутилась Снежана. – Какие ещё бутерброды? Мы вас супом с тушёнкой накормим!

– Конечно, накормим! – дружно поддержали остальные туристы.

– Спасибо! – Филиппыч искренне приложил ладонь к сердцу и слегка поклонился. – Не откажемся, конечно. Но в таком случае, на приготовление пищи да перекус вообще часа два – два с половиной уйдёт. Так что обратно мы с Кешей примерно в четыре дня отправимся. За час-полтора досюда доберёмся. В лесу темнеет рано. То есть до сумерек у нас останется не больше трёх часов. Так что идти на ночь глядя по незнакомому лесу мы не будем. Останемся на ночёвку в Орешке. В нём и поспать можно, и от влаги и холода защита хорошая. Рассветает сейчас около семи. Вот тогда и тронемся. Перекусим по дороге. Скорость движения по незнакомому лесу, даже при наличии карты, будет никак не больше трёх километров в час. Нужно учитывать, что могут попасться как непроходимые места, буреломы там, заболоченные участки, так и то, что можем элементарно заплутать. Так что дорогу нужно рассчитывать раза

в полтора длиннее. Привалы опять же, не реже чем раз в два часа. Так что только часам к семнадцати-восемнадцати завтра до Гришино сможем добраться. Если всё слава Богу будет.

Туристы хмуро сникли, поражённые неприятным раскладом. Всем было искренне жаль рассудительного возрастного Филиппыча и его молодого племянника. Ведь эти люди согласились помочь, но последствия оказались несопоставимы с полученным доходом в двенадцать тысяч рублей.

– А кроме Гришино других деревень поблизости нет? – робко спросила Снежана.

– Ну, Просье по дороге. Но там автосервиса нет. Ежели назад пойти, Фомино будет. Большое село... Давайте лучше посмотрим! – непонятно ответил водитель и полез в автобус, который ласково именовал «Орешком». Вылез с жёлтой пластиковой папкой, из которой бережно достал карту.

«Военная, масштаба 1:200000. С конца прошлого века относится к рассекреченным документам. Не каждая туристическая группа может себе такую позволить!» – опознал опытный Александр. Филиппыч же взглянул на солнце, повернулся к нему с наручными механическими часами, а затем сориентировал нижний край карты:

– Так, юг у нас там. Мы, как полагаю, примерно здесь! – Филиппыч ткнул пальцем в зелёное пятно с надписью «Урочище Керский бор». – Где-то неподалёку посёлки Чудская и Гончары должны быть. Но дорог к ним не знаю. Местность частично болотистая, так что искать таких приключений мы с Кешкой не будем. Да и потребного нам трактора там может не оказаться...

– А если мы вас на байдарках вверх по Суворови до Гришино отвезём? Так же безопаснее и проще получится? – неожиданно предложила Алёна.

– Хм... Там от реки километра два до околицы. Можно с воды и не заметить. Да и идти придётся против течения, на вёслах. Во-первых, можно легко заблудиться в протоках и старицах. Маршрут-то вам незнаком?

– Незнаком! – грустно подтвердил Александр.

– А во-вторых, как вы нас вчетвером повезёте на двух двухместных байдарках? Не, не вариант. Хотя за предложение – спасибо!

– А если вниз по течению? – не сдавалась Алёна. – Там есть деревни или ещё что?

Филиппыч внимательно рассмотрел карту:

– Река Чуча, река Кержа... Вот, есть! Влево от моста через Суворовь, около километра будет Сапуново. У меня там одноклассник живёт.

– Ну вот! – обрадовалась Алёна. – Давайте мы вас туда отвезём!

Сначала муж, а затем и остальные туристы согласно закивали головами.

– Так это ж раза в два, если не в три дальше, чем до Гришино! – вскинулся водитель. – Да и не уместимся мы в ваши байдарки.

– Это вопрос решаемый! – уверенно вернул себе инициативу Александр. – Байдарки «Шуя-2» по двести килограммов груза могут унести.

– Ну так и посчитайте, сколько вы сами весите, одежда да припасы!

– Может, настил между лодок собрать? А его снизу поплавком поддержать. Вон из вашей заправки камеру вытащить и накачать! Вас с Иннокентием точно выдержит!

– Да-да! – горячо поддержала мужа Алёна. – Зато и накормить горячим вас всегда сможем, продуктов у нас с запасом, да и в палатках на ночь потеснимся! В двухместных трое всегда уместиться могут. Опробовано.

– Дядь Петь, а за сколько мы на байдарках до Сапуново сможем добраться? – заинтересовался Иннокентий. Перспектива полтора дня пешим ходом пробираться по заболоченным урочищам привлекала его всё меньше.

– На байдарке быстро... А вот на том агрегате, что уважаемый Александр собрать предлагает, в разы дольше. Да и не пройдёт такая громадина по местным осокам да корягам.

Насколько помню, Суворощь заросла сильно. Где метров до ста разливается, а где от камыша да рогоза теснины такие, что только на лодке и пролезешь. Да и то с трудом.

– А если узкий плот собрать? Чтобы только вас поднял. Да за байдарку зацепить. На буксире-то всяко быстрее должно получиться! – внёс предложение Кирилл.

– Вы же не думаете, то мы вас в диком лесу бросим? – поддержала его Снежана. – Вместе в беду попали, вместе и выберемся!

На том и порешили. Филиппыч объяснил мужчинам какие стволыки древесного подроста потребны для изготовления волокуши, а сам занялся разбортировкой запасного колеса.

* * *

Прогноз рассудительного водителя полностью оправдался. Несмотря на то, что работали все с огоньком, управились только к двенадцати часам. Пока Филиппыч вытаскивал из колеса автомобильную камеру (в довесок к уже имевшимся двум запасным), туристы нашли и срубили пару осиновых «хлыстов» в два человеческих роста, толщиной у основания с руку мужчины. Очистили их от веток и наскоро ошкурили.

– Пётр Филиппович, готово! – отчитался Александр. Водитель подошёл к работягам со старенькой плотницкой ножовкой, рабочая часть рукояти которой была обмотана ветошью, а зубья поблёскивали заточкой:

– Есть чем вязать? Проволока, верёвка, провод тоже подойдёт.

– Туристический шнур есть. Даже два, по двадцать пять метров.

– Давайте!

Пока мужчины рылись в рюкзаках, водитель положил хлысты загибающимися верхушками одну на другую, а комли развёл чуть далее метра. Потом ножовкой нарезал из наиболее толстых веток пять поперечин и, начиная с толстого края, начал крепко привязывать их сначала к левому стволу. Причём ворочал весь шнур, не разрезая. От первой до второй поперечины просто пустил его поверху.

– Понятно? – спросил племянника.

– Да ничего сложного! – бодро ответил тот и заменил родственника.

– А не удобнее будет просто отрезать нужные куски? Так и экономнее получится! – заинтересовался Кирилл.

– Удобнее. Но другой верёвки у нас нет. А эта ещё может пригодиться.

Когда волокуша была готова, нижние поперечины покрыли промасленной плащ-палаткой (которую Филиппыч использовал при ремонте Орешка), а уже на неё плотно уложили мешки с байдарками, тюки с палатками, рюкзаки, и то, что запасливый водитель забирал с собой – три автомобильные камеры, ручной насос, сумку с немудрёными продуктами и бытовой мелочёвкой. Всё это прихватили остатком шнура, а вторым дополнительно крепко привязали груз к волокуше. Получившийся остаток вывели вперёд и закрепили свободным концом за верх конструкции.

– Так, мужчины, встаёте справа. Верёвку перекидываем через плечо и грудь. Остаток лучше вокруг тела обмотать. Тогда тащить груз можно всем корпусом, руки свободными остаются.

Филиппыч помог туристам впрячься в волокушу, а для себя с Кешей укрепил таким же кольцом на левую сторону автомобильный нейлоновый канат, который использовал как запасной буксировочный трос. Сам он облачился в бушлат-«цифру», с одинокими дырочками посередине погончиков и невыгоревшими прямоугольниками более яркой ткани на местах бывших шевронов, а Иннокентий натянул тёплую кожаную куртку. Родственники обули невысокие резиновые сапоги, а обувь убрали в сумку.

– Я смотрю, у вас автобус полностью укомплектован! – уважительно заметил Александр.

– Ну а как иначе! Орешек уже старенький, да и в пути что угодно случиться может. Вот и подстраховываюсь помаленьку.

Женщин отправили налегке вперёд, проверять состояние пути, а сами дружно потащили волокушу прямо по кустам и древесному подросту, густо заполонившим лесную дорогу. Скользила неказистая конструкция довольно легко.

* * *

Через полтора часа, без особых приключений, добрались до речки. От бывшей деревни на её пологом берегу осталось только заросшее осинником мелколесье, да неширокий песчаный плёс с узким рыбацким пирсом, сплетённым из жердей и веток, потеснивший плотную стену камыша. Груз подтащили почти к самой воде и с удовольствием освободились от надоевших постромок. По дороге встретили упавшее сухое деревце, которое по подсказке Филиппыча порубили на крупные фрагменты и навьючили на волокушу. Так что с поиском дров проблем не было. Вскоре уже запылал костерок и над ним повис давешний котелок. Женщины хотели пристроить и второй, для супа, но их возрастной спутник разумно заметил:

– Давайте сейчас под чаёк плотно перекусим, да всю работу завершим. Нам ещё лагерь развернуть надо, плот собрать, байдарки, да с загрузкой определиться. Плотик ещё и на воде опробовать хорошо бы. А уж ближе к вечеру затевайтесь с плотным ужином. Заодно и отдохнём.

Возражений не последовало. Хорошенько перекусили бутербродами, в том числе теми, что выложили из своей сумки местные, вволю напились чаем и после небольшого роздыха приступили к будням путешественников. Сначала разгрузили волокушу, после чего туристы занялись установкой палаток, располагая их выходами к выбранному кострищу, водитель начал накачивать автомобильные камеры, а Кирилла озадачил оборудованием отхожего места.

– Пётр Филиппыч, зачем это! – попробовала робко возмутиться Снежана. – Лес же кругом!

– Вот именно. Сначала свои дела в одно место справим, а потом и оставшийся мусор там прикопаем. Вот после нас в лесу порядок и останется.

Больше возражений не было. Для изготовления плотика решили использовать ту же волокушу. Но пришлось её основательно переделать. Для начала Филиппыч расположил все три накачанные газоновские камеры поверх неё. Ширина конструкции его не устроила, поэтому он отметил её габариты на песке, а потом аккуратно отодвинул волокушу в сторону.

– Тяжеловато получается! – заметил он племяннику. – Давай-ка из сухостоя всё соберём.

Пока туристы собирали и накачивали каркасно-надувные байдарки, местные заготовили и разложили по нарисованному на песке контуру плотика сухие стволы и ветки. Схема осталась той же – два соединяющихся спереди продольных хлыста с часто уложенными поперечинами. На увязывание пошёл тот же шнур, что и на волокушу. При этом Филиппыч и Кирилл многозначительно переглянулись, и турист понятиливо кивнул.

Новая конструкция из сухостоя оказалась в несколько раз легче, чем волокуша. Кеша в одиночку смог её поднять и уложить на треугольник из надутых камер. Второй туристический шнур пошёл на крепкое привязывание всех частей. Две камеры пришлось на корму, из которой метра полтора составлял край плотика, и ещё сантиметров по двадцать от него выпирали резиновые бока. Третий поплавок вынесли вперёд, придав конструкции вытянутую форму, благодаря чему длина судна получилась чуть более двух метров, из которых сантиметров тридцать составлял острый нос из связанных верхушек хлыстов.

– Эдак буксир проткнёт! – озадачился Филиппыч. Немного подумав, обмотал нос несколькими пучками камыша, сверху натянул полиэтиленовый пакет из-под бутербродов и плотно завязал горловину шнурком от Кешинной кроссовки. Получился плотный травяной шар.

Там же, в его основании, закрепили петлевой конец буксирного каната. Второй, имевший металлический витой крюк, удобнее было использовать для закрепления за буксирующее судно. Попробовали протащить плот по воде, зацепив за байдарку. На вёслах пошли Александр и Кирилл, а водитель с племянником уселись на сделанный прицеп. Кривоватая конструкция уверенно держалась на воде и позволяла взять ещё и дополнительный груз. Единственное, была крайне неповоротлива без собственного управления.

– Нужно шести вырубить! Сможем ими отталкиваться или даже подгрести при необходимости. Думаю, комли от волокуши как раз подойдут.

Наконец, работы были закончены. Над стоянкой поплыл будоражащий запах супа с тушёной. Филиппычу с Иннокентием Александр выделил металлические миску и кружку, а сам решил делить посуду с женой. Ложки и вилки у запасливого водителя оказались свои – из сумки он извлёк пакетик с 12-ю одноразовыми. Проголодавшиеся работники сгрудились возле костра, и Снежана начала щедро оделять всех горячим варевом. Несколько минут раздавалось только довольное прихлёбывание, да стук ложек. И наконец наступило блаженное время вечернего отдыха, которое так любят туристы.

Пётр Филиппыч, на правах старшего, расположился на уютном пне, как будто нарочно поставленном на сухом пригорке, под одинокой старой сосной с кряжистым стволом, уверенно подпирающим небо. Вечер выдался безветренный, почти круглая луна с «надкусанным» правым краем поднималась из жидкой облачности на востоке, и поэтому Млечный Путь очень бледно просматривался на небе. Вся компания уже устроилась вокруг костра, попивая свежесваренный чай.

– Ну что же, молодые люди, давайте знакомиться поближе, раз уж дорожка у нас одна, на некоторое время. Так что хорошо бы понять, кто вы такие вообще и как вас сюда занесло. Про меня кое-что уже знаете: я человек ранее служивый, сейчас на пенсии. В своё время пришлось побывать кое где, в том числе горячих точках. Не без этого. Племянник мой, Иннокентий, сын сестры, прибыл на отдых из Владимира. Школу ещё не закончил – вот на кой ляд одиннадцать классов сделали, не понимаю? – но решил проучиться последний год экстерном.

– Я гляжу, вы тут вроде как за старшего, – обратился Филиппыч к Александру. – Может, с вас и начнём? Вы-то, видать, друг друга хорошо знаете, раз вместе в такую даль отправились. Хотя я и не на высоте оказался – не смог вас на транспорте к месту назначения доставить, – но всё же уважьте проводника, расскажите о себе.

Александр, симпатичный мужчина уже несколько неспортивного телосложения, задумчиво пригладил бородку. Его возраст напоминал о себе не только залысинами над широким лбом, но и серебряными нитями, блестящими среди шевелюры. По давнему уговору он действительно был в походе неформальным руководителем их туристической группы.

– Пожалуйста! Работаю я далеко отсюда, в Новосибирске, в институте ядерной физики. Старший научный сотрудник. И жена моя, Алёна, там же трудится.

– Ого! Это что же, новые бомбы для страны испытываете?

– Нет, мы же не военные. Наша цель – мирный атом: медицина, промышленность. Ну и, конечно, ядерные реакторы и термоядерные установки. Когда нефть и газ закончатся, чтобы было чем заменить.

– Н-да! Тоже вполне серьёзная работа.

– Серьёзнее не бывает! – подтвердила Алёна. – Мы с Сашей так и познакомились – на испытании токамака. Если удастся термояд поставить на службу человечеству, о запасах энергии можно будет не беспокоиться ещё на столетия вперёд.

Алёна, которая в городе отличалась деловым стилем общения и носила костюмы а-ля «бизнес-леди», сейчас, в повязанном вокруг головы платочке, преобразилась в сельскую жительницу и никак не походила на кандидата технических наук.

– Токамак, говорите? Как же, наслышаны. Как по мне, брехня всё это. Ну невозможно такую энергию, как внутри солнца, обуздать! Только деньги государство зря выбрасывает. Не на науку вашу надо тратить, а пенсионерам уровень жизни повышать.

Повисло неловкое молчание.

– Пётр Филиппович, извините, но вы не правы! – Кирилл решил вступиться за друзей, и заодно за науку. – Возьмите, например, астрономию. Ведь именно астрономы, ещё в девятнадцатом веке, открыли химический элемент гелий на солнце. А теперь без гелия никуда: ни в технике, ни в медицине. Даже в пищевой промышленности. Небесные тела ещё много тайн хранят. В нашей астрономической обсерватории в Коуровке, например, стоит робот-телескоп «Мастер». Есть целая сеть таких по всему миру, их поставили наши астрономы-соотечественники. Помимо научных задач телескопы теперь проводят почти непрерывный мониторинг потенциально опасных метеоритов и астероидов. Помните, как над Челябинском в 2013 году взорвался метеорит? К счастью, он не упал на город, а рванул в атмосфере, а то разрушений было бы ещё больше. А если бы заранее знать? Можно было бы из ПВО его расстрелять.

– Ну, ладно, ладно, убедили! – добродушно махнул рукой Филиппыч. – Вижу, не всё так безнадежно. А вы, сударыня, – он обернулся к Снежане, – тоже в этой самой обсерватории работаете? И, кстати, Коуровка – это где?

– Это в Свердловской области. Да, мы тоже работаем вместе с Кириллом. А ещё я увлекаюсь научной фантастикой. В свободное от работы время даже сама пишу рассказы на космические темы!

– О как! – Филиппыч с интересом посмотрел на молодую женщину. – Интересно. А ведь я тоже имею к этому делу кой-какое отношение. – Немного помолчав, спросил: – А всё-таки, молодые люди, зачем вы забрались в такую даль? Почитай, не меньше двух тысяч вёрст от дома. Что, у вас в тайге речек нету? Есть, поди. И пошире, чем Суворощь.

– Есть, конечно, ещё какие. – Александр немного заколебался, но потом, видимо, на что-то решился. – Тут, понимаете, какое дело: когда-то, пятнадцать лет назад, я уже бывал в Муромском заказнике и сплавлился с друзьями по речке Серёже. Тогда со мной произошли удивительные события, которые для меня до сих пор остаются загадкой. Вот вы, Пётр Филиппович, из Чаадаево; а знаете ли вы, что когда-то, ещё в середине первого тысячелетия нашей эры, здесь жило финно-угорское племя Мурома?

– Ну, как же! Знаю, конечно. Чаадаевское городище – это именно от них осталось. Ещё грунтовые могильники, селища там...

– Вот-вот. Здесь у вас особая энергетика, природная аномалия. Такие места пробуждают в человеке неизведанные науке силы. Не зря же былинный богатырь Илья Муромец родом отсюда, из села Карачарова. Вот и со мной некая такая катавасия тогда приключилась. Как будто всё в одном месте перепуталось – сказка, миф, фантастика... Хотите послушать?

– Конечно, хотим, – заговорили все наперебой.

– Ну, тогда слушайте. Я даже пытался записать свои впечатления в виде фантастического рассказа. А эпиграфом выбрал подходящую цитату из саги замечательного японского писателя...

История I. Лабириада

– Но что будет дальше? К чему всё это может привести?

—Понятия не имею, – бесстрастно ответил сэнсэй. – Что будет дальше, не дано знать никому... Что тебя ждёт за очередным поворотом, не узнаешь, пока не свернёшь. Никаких прогнозов.

– Никаких прогнозов?

– Да, как безответственно это ни звучит, «никаких прогнозов» – основная канва нашего разговора. Мы бросаем камень в глубокий пруд. Бултых! Плеск разносит по всей округе. Что в ответ на это появится из воды – одному богу известно. Остаётся только ждать и смотреть.

Харуки Мураками, «1Q84»

1

Река Серёжа, приток Тёши, берёт своё начало у деревни Павловка Перевозского района Нижегородской области. В её верховьях обнаружены загадочные древние поселения, захоронения и даже дороги, построенные в первом тысячелетии нашей эры. Устремляется река преимущественно на запад, хотя в среднем течении протекает через настоящий водный лабиринт из карстовых озёр. Высокие лесистые берега чередуются с пойменными лугами, которые весной затопляются талыми водами. Потом Серёжа долго петляет среди таинственных Муромских лесов, в которых леший строго следит за порядком и сурово наказывает тех, кто не относится с должным почтением к лесу и его обитателям.

Если шумишь, бросаешь мусор или, паче чаяния, ломаешь ветви без надобности, не видать тебе покоя: закрутит, завертит, пустит по кругу, закидает листвою и ветвями или сбросит с обрыва прямо в холодную воду. А если даже ничем не провинился, всё равно будь настороже: непостоянная натура у хозяина, любит он подшутить над человеком и завести в такую чащу, откуда подобиру-поздорову ни за что не выберешься и сгинешь за милую душу. О повадках духа леса особенно любят рассказывать старики на завалинках, когда скотина накормлена и в воздухе плывут ароматы сирени и маттиолы. Повествуют о том, что не надо шутить с лешим, ох, не надо...

В этих самых Муромских лесах со мной произошли события, которые настолько не укладываются в представления о реальности, что до сих пор не знаю, не привиделось ли всё это. Я буду описывать их так, как запомнились, но несколько не ручаюсь за достоверность. Существует же такое понятие, как ложные воспоминания. Тем не менее всё, что произошло, до такой степени врезалось в память, что стало неотъемлемой частью моей жизни.

* * *

Мы с приятелями сплавлились восьмером на двух байдарках по реке Серёжа и пристали к высокому правому берегу, заметив тропинку, ведущую вверх в карстовом проёме. Больно уж понравился выступ над обрывом, как будто нарочно созданный, чтобы усталые путники могли остановиться на привал и развести костёр, сварить в котелке нехитрую похлёбку, а потом полночи петь песни у костра. Да, у нас была и гитара в водозащитном чехле. Не отказывать же себе в традиционном удовольствии!

«В таком чудесном хвойном лесу наверняка водятся боровики», – сказал я себе и вызвался сбегать за грибами, пока ребята будут ставить палатку и разжигать костёр. Это же

такая вкуснотища – суп из белых грибов, приправленный дымком от костра, удивительной песней дрозда и лунным светом с небес!

Я действительно за полчаса набрал целое ведёрко грибов. Все как на подбор, с толстыми ножками, крепкими шляпками, ни одного червивого. Так увлёкся, что не заметил, как перестал слышать весёлый гомон ребят и треск сучьев в костре. Опомнился, когда совсем стемнело, и кусты на расстоянии пяти шагов начали сливаться в одно тёмное пятно.

Сначала я не придавал этому особого значения. Огляделся по сторонам и пошёл обратно. Вернее, подумал, что обратно; на самом деле, направился по большому кругу, потому что через некоторое время понял, что здесь уже был. Лес стоял угрюмый, великаны-ели едва-едва пропускали свет от луны, которая сейчас находилась в верхней кульминации.

Сверху раздался пронзительный звук, и я остановился. Кричала птица. Не очень-то разбираюсь в пернатых, могу только сказать, что это был не дятел и не дрозд. Крик возник снова и стал удаляться, потом это повторилось ещё и ещё. Было такое впечатление, что прямо надо мной из какого-то невидимого дупла птицы выскакивают, как будто их кто-то выбрасывает, и они, разъярённые и напуганные, стремятся прочь от своего обидчика.

Ощущение было не из приятных. К тому же понял, что окончательно заблудился. Что делать? Компаса у меня не было, не догадался захватить. Всегда славился своим умением ориентироваться в знакомой местности. Кричать «ау» – как-то стыдно. Что я, девчонка какая-то, что ли?

Принялся вспоминать. От места привала пошёл на север, это точно. Значит, нужно сориентироваться и вернуться на юг! Стал искать мох на деревьях, но нашёл на разных сторонах стволов. По-видимому, в этой чащобе ему было всё равно где расти, свет сюда почти не проникал. Незадача...

Почему же всё-таки так кричат птицы? Мне стало не по себе. Холодная лапа недоброго предчувствия коснулась спины, и мурашки пробежали по позвоночнику. Вдруг справа из лесу показался лось. Я боялся его спугнуть, застыл как вкопанный и просто глядел на зверя. А он, видимо, меня совершенно не опасался. Постоял, посмотрел большими умными глазами, развернулся и не спеша скрылся между деревьями.

Я вгляделся: там, куда удалялось животное, тянулась еле заметная тропка. Не долго думая, направился вслед. Лось, оказывается, и не собирался скрываться: он шёл впереди и покачивал рогами, как будто приветствуя незадачливого путника в местах, куда до этого не забредала нога человека. Хотя – стоп! Почему не забредала? Вот же! Из земли торчал столб-указатель, явно произведённый людьми.

Я подошёл ближе. Лось последний раз взмахнул рогами и с видом хорошо исполненного долга гордо удалился. Некоторое время после того, как он исчез, ещё доносилось похрустывание ветвей под копытами большого зверя. Но потом всё стихло. Только высоко вверху сосновые иголки шуршали друг о друга, загадочно и тревожно. Совсем стемнело.

На столбе что-то было написано. Экая незадача! Фонарика у меня тоже не было. Чтобы прочесть, подошёл вплотную, и тут что-то резко и сильно ударило в правое плечо. Земля под мной провалилась, и я ухнул вниз.

* * *

– Сестрица Алёнушка, ваш выход, приготовиться!

– Есть приготовиться.

– А где братец Иванушка?

– Пошёл на лесную лужайку, травки пощипать.

– Опять? Он ещё не наелся? Сколько можно?! Срочно верните Иванушку к озеру. Скажите, здесь тоже трава есть. Статисты, по местам: деревья колышут листвою, озеро

подёрнулось мелкой рябью, по небу проплывают лёгкие облака. Облака проплывают, а не Жар-птица! Дракон тоже пока не нужен, может спокойно подымить в сторонке. Внимание, начали! Объект приближается!

* * *

Пока я летел, успел вспомнить школьную задачку: если Алиса за первую минуту пролетела 150 м, то за сколько она пролетит два километра? Учитывая ускорение к центру Земли... Додумать не успел, потому что ухнул со всего размаху в холодную воду. Во всяком случае, это было что-то жидкое. Летел я ногами вперёд, поэтому прикинул, что высота падения вряд ли превышала пятнадцать метров – иначе бы точно что-нибудь себе повредил. То есть падал я меньше двух секунд. Утонуть не боялся: как себя помню, всегда умел свободно держаться на воде. Поэтому вынырнув, быстро огляделся и кролем устремился к полоске зелени, замеченной вдали. Эх, такие крепенькие грибки-боровички были!

На берегу, обессиленный, едва отряхнулся, словно пёс, и растянулся на зелёной траве. И только тогда удивился: я же ухнул куда-то под землю! По идее, здесь должна быть непроглядная тьма. Однако светло как днём. Сверху вроде бы даже голубое небо, хотя и без солнца; да и вообще освещение шло сразу со всех сторон. Вон и со дна озера пробивались лучики света. Куда это я попал? Понимаю, что в Японии есть подземный город под Осакой. Или в Канаде там, у них вообще развитая система подземных переходов... Но кому придёт в голову строить подземные туннели под муромским лесом?

Размышления были прерваны женскими всхлипываниями. Я огляделся. Неподалёку под кустом сидела девушка в простом летнем платьице и горько плакала, закрыв лицо руками. Как я её сразу не заметил! А она, похоже, не видела меня, так сильно была поглощена своим горем.

– Милая девушка, почему ты плачешь? Может, я могу чем-то помочь?

Незнакомка подняла голову и посмотрела на меня с удивлением:

– Откуда ты взялся, добрый молодец? Этот лес заповедный, его Леший с Бабой-Ягой охраняют и никого сюда не пускают.

– А ты?

– А я не по своей воле сюда пожаловала. Братец Иванушка побежал, а я за ним.

– Где же твой братец?

– Да вон он, на лужайке пасётся...

«Девочка явно не в себе!» – подумал я, но решил подыграть:

– Так ты, что же, сестрица Алёнушка?

– Да... А ты откуда знаешь? – Она посмотрела с явным подозрением. – Ты заодно с Лешим, да? Как тебя зовут?

– Ни с кем я не заодно! Просто в детстве мама сказки на ночь читала. А зовут меня Александр.

Тут откуда ни возьмись, выскочил красивый белый козлёнок с чёрными ушами и уткнулся Алёнушке в колени.

– Бе-е-е, бе-е-е-е! – услышал я, а девушка снова разрыдалась.

– Тебе сказка, а мне быть. Говорила ему: не пей водицы из козлиного копытца, козлёночком станешь. А он не послушался!

Я призадумался. Надо бы помочь. По идее, заезжий купец должен позвать Алёнушку замуж. Затем ведьма, она же Баба-Яга, привяжет к этой несчастной камень и бросит её в озеро, сама же обернётся копией девушки и потребует зарезать козлёнка. Но правда быстро выйдет наружу, настоящую Алёнушку достанут со дна, живую и невредимую. Козлёночек же перекинется три раза через голову и снова станет мальчиком Иванушкой.

Сценарий был известен, но слишком длинная череда событий никак не устраивала. Ребята наверху будут беспокоиться. Не могу я здесь надолго задерживаться.

Почему-то в тот момент даже не закралась мысль, что всё это – бред сивой кобылы. Я попал в сказочный мир, и он предлагал мне жить по его законам. Что же делать? И тут в голову пришла мысль:

– А где живёт Баба-Яга, ты знаешь?

– Знаю. Но туда никто по доброй воле не ходит. Это место стороной обходят.

– Ты мне только дорогу покажи, а дальше я уже сам.

– Зачем тебе?

– Хочу тебе помочь и братца Иванушку выручить.

– Ты думаешь, это она виновата?

– А то кто же? Наверняка её рук дело, она любит маленькими детишками лакомиться. Козлёночка, видно, ей сподручнее зарезать, чем мальчика. И песенку такую будет петь: «Пока-таюся-повалюся, Ивашкиного мясца поевши!» Или это из другой сказки?.. Не важно. Главное сейчас – найти старую ведьму и прищучить её по полной.

– Как ты сказал? Прищучить? Тогда тебе нужна щука. Я видела, она в озере живёт. Вон в том месте хвостом вильнула, а потом опять под воду ушла.

– Как же мы её поймаем? У меня и удочки-то с собой нет.

– Не надо удочки. Я её позову, она сама приплывёт.

Я недоверчиво посмотрел на Алёнушку.

– Так-таки и приплывёт? А даже если и приплывёт, в чём я её потащу? Она же без воды задохнётся.

– Не бойся, эта щука особенная, она не только жабрами, но и лёгкими может дышать. Лапки, правда, у неё маленькие; она только-только научилась на сушу выползать. Так что придётся тебе её нести.

Насколько я помнил, двоякодышащие пресноводные лопастепёрые рыбы до сих обитали в некоторых районах Африки и Австралии; но чтобы у нас, в средней полосе? Непостижимо! А впрочем, кто сказал, что я сейчас в России, в средней полосе? Этот сказочный мир может располагаться где угодно, в нём свои законы и свои обитатели. Эх, была не была!

– Так и быть, зови свою щуку! – предложил я. – Хотя я и не Емеля, попробую выпросить у неё желание.

И тут Алёнушка меня удивила. Она засунула два пальца в рот и так свистнула, что у меня аж в ушах зазвенело. Озеро неподалёку от берега всколыхнулось, из воды показалась щучья голова.

– Алёна! Сколько раз говорить: не могу я козлёночка обратно в Иванушку превратить. Я могу сделать, чтобы вёдра с водой сами домой пошли, чтобы топор нарубил дров, дрова полетели в поленницу и аккуратно там сложились. Или, например, чтобы сани сами без лошадей поехали в лес. Могу даже дворец выстроить на берегу. А на Иванушку заклятие наложено, отменить его может или сама Баба-Яга, или волшебник посильнее.

Щука разевала рот, но я не слышал её голоса. Вернее, он раздавался у меня прямо в голове. Я посмотрел на Алёну.

– Вот этот добрый молодец хочет нам помочь. Покажешь дорожку до Изнакурножки?

Щука подплыла к берегу и уставилась на меня.

– А не боишься? – наконец осведомилась она.

– Чего?

– Ну, что тебя живьём зажарят и съедят, например?

Эх, где наша не пропадала! С женщинами всегда умел договариваться. Даже с такими, про которых так и хочется сказать: настоящая ведьма.

– Не боюсь. А сама-то не боишься быть зажаренной и съеденной?

– В этом мире действует закон: говорящих животных не есть. Ладно, так и быть, покажу тебе, где Баба-Яга живёт.

Щука вздохнула и вышла на берег. У неё были маленькие красные лапки с когтями, как у ящерицы. На таких действительно далеко не уйдёшь.

– Это Александр, – представила меня Алёна. – А это Авдотья Павловна, – представила она мне щуку.

– В чём меня понесёшь, Александр? Учти, своим ходом я туда и за неделю не доберусь.

Алёнушка достала из корзинки авоську и показала щуке.

– Авоська подойдёт?

Щука придирчиво оглядела предложенное средство транспортировки.

– Нормально. Дырок много, удобно будет обозревать окрестности.

И мы с Авдотьей Павловной отправились в путь. Щука указывала мне дорогу, иногда просилась отдохнуть – порезвиться в ручье или луже, которые иногда встречались по дороге. Долго ли, коротко ли шли мы по лесу тропинками нехожеными, пока не заявили во владения Бабы-Яги гостями непрошеными.

– Дальше ты сам. Отпусти меня в это озерцо, на обратном пути заберёшь. Если не съедят.

– А ты что? Всё-таки боишься? – не удержался я от ехидного замечания.

– Боюсь, батюшка! – со вздохом призналась Авдотья Павловна. – Закон законом, а вдруг здешняя Баба-Яга ему не подчиняется?

Я выпустил щуку в воду, убрал авоську в карман и налегке пошёл к видневшемуся неподалёку лесному жилью. Калитка в ограде была открыта, а на крыльце явно поджидала солидная женщина в длинной чёрной юбке, белой кофте и платке, завязанном узлом на лбу.

– Здравствуйте, бабушка! – Я отбил земной поклон. – Как изволите жить-поживать, добра наживать? Не мучают ли хвори какие? Избушка-то у вас, как я погляжу, прохудилась; небось, некому подсобить, крышу залатать? Меня Александром кличут.

– Знаю, знаю, можешь не представляться. У тебя на лбу написано: Александр. «Защитник людей» значит. И кого же ты защищать явился? И, главное, от кого? Не от меня ли?

– От вас, драгоценная, от вас. Зачем вы Иванушку в козлёнка превратили? Алёнушка плачет-надрыается. И вообще, нехорошо это: людей в козлов превращать.

– Много ты знаешь – «нехорошо»! – передразнила она меня. – А когда козлы людьми прикидываются – это хорошо? Я тут, может, для того и поставлена, чтобы баланс соблюдать. Один козёл стал человеком – значит, надо одного человека превратить в козла. Закон сохранения называется. Слыхал про такой?

– Слыхал, как не слыхать. Закон сохранения массы, закон сохранения энергии...

– Ты мне зубы не заговаривай. У нас в волшебном лесу закон сохранения один: два человека на один квадратный километр. Ты вот, например, откуда взялся?

– Сверху упал.

– С неба, что ли?

– Можно сказать и так.

– Падают тут всякие, на мою голову, – проворчала бабка и неожиданно переменила тему: – Кто тебя ко мне привёл? Авдотья?

– Она самая.

– А тебя не удивляет, что щука говорить умеет?

– Не удивляет. В сказке и не такое бывает.

– Эх вы, люди! Перестали удивляться чудесам. Что дальше-то будет?

– А дальше, вы, уважаемая, сотворите удивительное чудо: превратите козлёнка обратно в Иванушку, а меня в сокола, чтобы закон сохранения не нарушать.

– Ну, ты мне не указывай! Ишь, указатель нашёлся! Не захочу – не превращу. Что ты мне сделаешь?

– Лучше бы вам подобра-поздорову, любезная, согласиться, а не то на ваше чудо у меня своё чудо найдётся.

– Какое-такое чудо?

– А вот какое!

Я достал из кармана опытный экземпляр карманного резонатора-накопителя, который наша лаборатория выдала мне для полевых испытаний. Прибор мог запасать и передавать электромагнитную энергию по беспроводному принципу, якобы – на любые расстояния и при этом без потерь. Известно, что ещё Никола Тесла мечтал превратить земной шар вместе с ионосферой Земли в единую резонансную систему, которая бы передавала таким образом электромагнитные колебания. В нашем институте пошли дальше и создали портативное устройство, способное и накапливать энергию, и осуществлять её передачу без проводов. Прибор нужно было испытать в безлюдном месте в целях безопасности. Но – деваться некуда – пришла, видно, пора продемонстрировать чудеса современной науки, чтобы впечатлить старушеницу.

Я выдвинул антенну и нажал на красную кнопку. Раздалось гудение и... ничего не произошло. Бабка ухмыльнулась:

– Ну что, милоч, где твоё чудо расчудесное?

И тут до меня дошло. В этом мире, где бы он ни находился, мы отрезаны от ионосферы Земли. Резонанса с внешними источниками энергии не будет. Хорошо, перейдём в режим разряда. Зря, что ли, я держал накопитель в активном состоянии, когда мы проплывали мимо ЛЭП! Известно, что электрические провода работают как излучающие антенны, их энергию и ловил накопитель. Должен был ловить. Сейчас посмотрим...

Сработало! Над дымоходом избышки повисла огненная сфера ярко-красного цвета, диаметром метра два. Старуха ахнула.

– Ты мне избу спалить решил?

– А я предупреждал! Немедленно превращайте козлёнка в Иванушку!

Бабка завертелась на одном месте, что твоя юла, и начала бормотать какие-то заклинания.

– Готово. Да убери ты этот свой шар к лешему!

– НЕ НАДО! – донёсся из леса далёкий испуганный крик.

Сфера к тому времени раздулась и стала зловеще шипеть. А что с ней делать, я не имел ни малейшего представления – экземпляр-то опытный, неисследованный. Чисто интуитивно подвигал антенной – шар послушно передвинулся следом. Ну, хоть так. Я успел отодвинуть сферу с помощью антенны на приличное расстояние прежде чем она разбухла, взорвалась и рассыпалась тысячью искр над озером, в которое я выпустил Авдотью Павловну. Хоть бы её не задело! Бабка шумно выдохнула и с опаской поглядела на меня. Теперь в её взгляде я прочёл что-то вроде уважения.

– А тебя в сокола превращать, что ль?

– А как же! И чем скорее, тем лучше.

Хорошо, что я успел повесить на шею резонатор-накопитель, а то бы он у меня выпал из крыльев. Пролетая над озером, куда выпустил Авдотью Павловну, сделал пару кругов и громко засвистел; щука вынырнула из воды и махнула мне плавником. «В крайнем случае пешком дойдёт, – подумалось мне, – она двоякодышащая».

С высоты соколиного полёта хорошо было видно, как, взявшись за руки, Алёнушка с братцем Иванушкой шли по тропинке, удаляясь от лесного озера. Я помахал им крыльями, но они, кажется, не заметили. Ну и пусть; я же вызвался помочь не ради благодарности, просто с детства не выношу женских слёз.

Так, с резонатором-накопителем на шее и с удовлетворением от удачно выполненного дела, я взлетел над озером и устремился туда, где по моим представлениям должен был находиться выход из сказочного мира.

* * *

Когда я наконец приблизился к палаткам, было совсем темно. Ещё издали ноздри мои зашекетал приятный запах грибной похлёбки.

– Сашка, ты где был? Заплутал, что ли? Мы тебя искали, искали. Пошли следом, смотрим – ведро с грибами валяется, а тебя нету! Присаживайся, суп как раз готов.

Рассказать ребятам или нет? Да и о чём? О том, что провалился в яму и попал в сказку? А потом вылетел оттуда соколом и вновь принял человеческий облик? Не поверят, засмеют. Скажут – галлюцинация. Я ведь и сам себе не верю, если честно. Кстати, о галлюцинациях. Есть такие грибы, которые обладают психоделическими свойствами. Может, они и подействовали? Надышался, вот и результат. Я уже почти убедил себя, что всё произошедшее – плод моего воображения, как что-то кольнуло шею.

– Откуда это у тебя? – Димка протянул руку и снял с воротника моей куртки большое пёстрое перо с белыми крапинками. – Вроде соколиное... Странно. Я слышал, что соколы живут в Сибири и на Алтае. Но чтобы здесь?

– А, вот оно! – делано обрадовался я. – А я уж думал, потерял. Это мой амулет. Друг с Алтая привёз, подарил как символ лёгкости и везения.

– Красивое перо! – Дмитрий повертел его в руках. – На, держи и не теряй больше свой подарок.

2

На следующий день в шесть часов утра мы были уже на ногах. Палатки собраны, каша съедена, костёр затушен, отходы тщательно закопаны. В походах мы не пользовались полиэтиленовыми пакетами, продукты и личные вещи упаковывали в непроницаемые мешки. Погода стояла прекрасная, на небе ни облачка, так что стали спускаться вниз по тропинке, чтобы занять места в байдарках и отправиться в путь.

Я раздумывал над вчерашним приключением и удивлялся тому, насколько быстро вписался в законы волшебного мира. Начал сразу действовать в предлагаемых обстоятельствах, как будто всю жизнь общался с говорящими жуками, Бабами-Ягами и другими персонажами сказок. Надо признать, что мне сильно помог прибор из реального мира, сам по себе почти волшебный, – кстати, где он? Я порылся в карманах и похолодел: резонатор-накопитель, выданный для испытаний, пропал!

– Ребята, я сейчас! – крикнул я и лихорадочно полез снова в гору.

– Что случилось?

– Сейчас, подождите десять минут!

Куда он мог запропасться? Вчера я повесил его на шею, когда покидал сказочный мир, а потом? Помню, что по мере подъёма вверх темнота сгущалась, потом меня подхватил вихрь и буквально вытолкнул наружу. Я оказался рядом с тем столбом, где провалился в яму. Наверху стояла непроглядная темень, и только в одном направлении тянулась слабая полоска света. Туда и пошёл, недолго думая. Через некоторое время вышел к палаткам.

Это было вчера вечером. Время в сказочном мире текло с другой скоростью: когда я вернулся к костру, ребята сказали, что меня не было около часа. А по моим ощущениям, там, внизу, прошло часа три или четыре. Так, надо вспомнить, когда я в последний раз видел накопитель или ощущал его на себе. Когда сидел у костра и ел кашу, он ещё был. А потом... я пошёл спать в палатку. Утром Сергей всех разбудил криком: «Хватит дрыхнуть! Пошли смотреть восход!», и я побежал вместе со всеми.

Приблизившись к месту стоянки, заметил, что из-под земли, которой мы присыпали кострище, тянулась тонкая струйка дыма. Что такое? Мы не могли не потушить огонь, это исключено. Я подобрал сухую ветку и разворошил землю. Огня не было, но струйка тянулась из маленького отверстия в почве, размером всего лишь полтора сантиметра. Вот дым стал толще, как будто обрадовался, что получил доступ к кислороду, заиграл, разветвился... Полыхнуло пламя. Огонь заплясал, закружился и приобрёл форму цветка, который вырос на моих глазах до размеров человека.

Цветок превратился в огненное существо с длинной шеей, которая вытянулась по направлению ко мне. Я отшатнулся и непроизвольно сделал два шага назад. Наступил на сучок, нога подвернулась, и я со всего размаха грохнулся на землю. Что-то хрустнуло. Пошарил рукой и вынул из-под себя остатки резонатора-накопителя. Корпус разлетелся, и среди пластмассовых кусочков я подобрал сиреневое зёрнышко, размером с фасолину. На ощупь оно было холодное и гладкое, но пульсировало и тоненько звенело.

Пока я с тоской разглядывал сердцевину сломанного накопителя, огненный цветок ещё подрос. Теперь это походило на цветущий куст монарды красивого ярко-оранжевого цвета. Но вот огонь оторвался от земли, превратился в птицу и воспарил вверх как фейерверк. На голову мне посыпались искры, проникли за шиворот, приятно защекотав спину.

Я, как зачарованный, наблюдал за превращением куста в жар-птицу и за её полётом. Минуту спустя из того места, где вырос куст, появилась змея, потом ещё одна, и ещё. Змеи приподнялись над землёй, и оказалось, что туловище у них одно. Трёхголовый зверь кого-то мне напомнил... Дракон! Трёхголовый! Или Змей Горыныч? Разница существенная, если дракон – то символ мудрости, знаний. Символ бессмертия. А если Змей Горыныч, то олицетворение зла, ясен пень!

На средней шее зверя висел шильдик, на котором значилось: «lóng»¹. Коротко и ясно. И рядом стоял иероглиф «#» (Дракон), чтобы развеять все сомнения. Добро пожаловать из Поднебесной! Это каким же ветром тебя сюда занесло?

Как будто в ответ на мои невысказанные мысли, существо открыло среднюю пасть и прорычало:

– Ни хао! Во ши цзай на-ар?

– Ни хао, ни хао, – проворчал я, кажется, не очень приветливо. – Ни ши цзай Элуосы.

– А, Лоссия! – обрадовалось существо. – Давай говолить по-лусски. Лусский – мой любимый яцзык. Элуосы жэнь хэ чжон гуо жэнь ши пхен йоу!

– Русские и китайцы – друзья! – понял я.

– Да-да! – обрадовался дракон Лун. – Я ищу подлугу, Фенхуан, Жал-птица по-вашему. Ты её видел? Она тут не плолетала?

– Только что, перед твоим появлением, улетела.

– Куда?

– Туда. – Я неопределённо ткнул пальцем в небо. – Очень спешила. Ты её обидел?

Дракон поник всеми тремя головами и молвил:

– Во бу чжи дао.

– Как это – не знаешь?

– Я плосто ей сказал, что она – моя инь, а я – её ян. Она лассмеялась и сказала, чтобы я поймал её, и улетела. Она же птицца! Ищи меня, говолит, в тлидевятом цалстве. Значит, ты живёшь в тлидевятом цалстве? А я – всего лишь земноводная тваль. Не могу долго летать, энелгии не хватает, пока я один... Эх, мне бы немножко энелгии, я бы за ней полетел! Подали мне энелгию, мы же длуги. А я тебе потом плигожусь!

– Как ты мне пригодишься? – удивился я.

¹ «lóng» – пиньинь (транскрипция) китайского иероглифа «#»

– Пути Лун-Вана неисповедимы, – загадочно ответил дракон. – Ну как, подалишь?

– Где же я тебе возьму энергию? У меня накопитель сломался, – я показал осколки корпуса.

– Ты такой умный, а говоришь, как глупый! – с досадой проговорил дракон. – У тебя в плавой луке большая энегия, на всех хватит.

Я разжал правую руку. Зелёная фасолина подросла и интенсивно излучала на всех видимых частотах. Подозреваю, что и на невидимых тоже.

– Видишь? Ты плосто плотяни луку и скажи: «Далю!» Мне много не надо, только взлететь над делявьями, – а там меня подхватит поток ветла и понесёт! И навелху у меня выластут клылья!

Я так и сделал. То, что осталось от моего накопителя, сработало! Лишь опять слегка уменьшившись в размерах. А дракон тем временем приподнялся над землёй, его три головы вытянулись вверх, чешуя зазвенела, как ксилофон, и заискрилась всеми цветами радуги. Перед тем как окончательно исчезнуть, Лун крикнул:

– Сесе! Когда я понадоблюсь, плосто поцзови! Я обяцзательно пилечу!

Та-ак, это что же получается? Сначала сестрица Алёнушка с братцем Иванушкой, теперь Дракон Лун с птицей Феникс. Сговорились они, что ли? Интересно, конечно, но что дальше? Я вновь убрал «фасолину» в карман.

Больше в тот день ничего сверхъестественного не произошло, хотя я находился насто-роже. Шли предпоследние сутки нашего отдыха, на завтра мы должны были разъехаться. У кого-то заканчивался отпуск, кто-то хотел навестить родителей в деревне. А Дима вообще устроился в археологическую экспедицию на раскопки. И только я собирался вернуться в то место, где со мной произошли удивительные события.

Чего я ожидал? Вновь нырнуть из реальности в чудо или убедиться, что мне всё померщилось? Понять, чем же всё это было – бредом сумасшедшего или воплощёнными обра-зами-архетипами, которые человечество веками создавало в своём воображении и которые выудил из небытия мой резонатор-накопитель? Ведь в архетипах, мифах, сказках содержится такая уйма энергии, мама не горюй! Да, были и такие мысли, и я хотел проверить их на прак-тике. В конце концов, мне же доверили испытать резнак в полевых условиях. Вот и продолжу испытания.

Меня неудержимо тянуло к заколдованному месту, я чувствовал, что не всё ещё случи-лось, что должно произойти. Стремился туда, как убийца на место преступления; как старик в город своей юности, даже если знает, что там никого не осталось: все дома перестроены, знакомые уехали или умерли, и даже милые тропинки, по которым хаживал в детстве и был счастлив, покрылись плотным песком забвения.

3

Старенькая «шестёрка», взятая в Муроме напрокат, неспешно катила по асфальту, кото-рый никто не ремонтировал уже лет пятьдесят. Судя по карте, дорога подходила довольно близко к Серёже-реке – к тому месту, где мы устраивали предпоследний привал. Я понимал, конечно, что старым картам полностью доверять нельзя: там, где на бумаге тянется тоненькая извилистая полоска, на деле теперь может оказаться заболоченная местность или грунтовка, по которой только грузовик и сможет проехать. Да и то если дождей не было дня три. Но решил рискнуть; в конце концов, разве вся эта затея не отдавала чистейшим авантюризмом?

Места были живописные: сосны и ели иногда сменялись берёзами, по обочинам дороги попадались маленькие озерца с чистой прозрачной водой. Я ехал и любовался пейзажем, как вдруг дорога пропала прямо посреди бора. Вот так сразу и исчезла: была – и не стало. Впереди сплошной стеной стояли красавицы-сосны и глухо шелестели на своём языке: «С-с-сюда нельз-

з-я, нелз-з-я с-с-сюда...» К ближайшей был прибит автомобильный знак «Въезд запрещён», который обычно именуют «кирпичом». Зачем понадобилось вешать его здесь, если дороги всё равно нет?

Размышляя о курьёзах дорожного строительства, выбрался из машины, обошёл вокруг «шестёрки», посмотрел по сторонам. Дорога пропала, как корова языком слизнула.

Вдруг справа из лесу вышел лось. Тот самый, которого я уже видел недавно: на лбу белая отметина, правое ухо чуть короче левого. Рога широкие, массивные, напоминают гигантские подсвечники. И глаза такие же умные, как у того, прежнего. Несомненно, это был он. Мы посмотрели друг на друга; лось качнул рогами, развернулся и неспешно стал удаляться в глубь леса. Я снова пошёл за ним.

Метров через десять лось остановился перед большим камнем, на котором старинной вязью было написано: «Налево пойдёшь, в сказку забредёшь; направо пойдёшь, дракона найдёшь; прямо пойдёшь, в НИИЧАВО попадёшь».

Так-так. В сказке я побывал, с драконом встречался. Что остаётся? Идти вперёд, разумеется. После сказки – миф, после мифа – научная фантастика. Прекрасно! Кто-то там очень большой шутник.

Пока я разглядывал камень и разбирал надпись, лось исчез. В лесу стало совсем тихо, только высоко вверху сосновые иголки шуршали друг о друга, да где-то вдалеке настойчивый дятел всё долбил и долбил кору больного дерева в поисках пропитания.

В тот момент, когда я решил идти прямо и уже сделал первый шаг, в камне открылось небольшое отверстие, из которого что-то выпрыгнуло и больно ударило по правому плечу. Я охнул и отшатнулся, потом нагнулся и поискал глазами пулю. Почему-то сразу подумал про пулю, хотя не успел заметить ни формы, ни размера ударившего меня предмета.

Плечо отчаянно болело. Пощупав руку, обнаружил на месте удара утолщение, которого раньше не было. Но кровь не шла.

– Стой, кто идёт? «Кирпича» не видел, что ли?

Из-за камня появился странного вида субъект и уставился на меня. Мало того, ещё и направил на меня берданку. Я обратил внимание на глубокую царапину, шедшую наискось по его лбу до левого уха. Что в нём было странного? Одет в телогрейку, хотя на дворе разгар лета, левое ухо чуть выше правого, и вообще – весь какой-то дёрганный и несимметричный.

– Так «кирпич» – он же для машин, а не для людей! – попытался оправдаться я.

– «Кирпич», он тут прежде всего для людей, потому что машина и так не проедет. И вообще, как ты сюда попал? Тут везде силовое поле, только в одном месте щель образуется, да и то в строго определённое время, чтобы на всякий случай сохранить связь с внешним миром. Но это же знать надо, вероятность случайности мизерная!

– Так меня лось привёл. Видимо, он знает...

– Лось? Ну, это другое дело! – человек снял кепку и почесал затылок. – Тогда давай знакомиться. Хвостов Николай Петрович, кандидат философских наук. Подрабатываю сторожем в свободное от основной работы время. А тебя, мил человек, как звать-величать?

– Новокрещенов Александр Сергеевич. Кандидат физ.-мат. наук. Нахожусь в отпуске, с друзьями отдыхали неподалёку. Друзья разъехались, а я решил ещё прогуляться по лесу. Очень меня эти места тронули.

– Вообще-то здесь запретная зона, посторонним вход воспрещён...

– Но ведь меня лось привёл! – напомнил я.

– Да. Лось. Это, конечно, сильно меняет дело.

В этот момент послышался нарастающий гул и прямо на поляну перед Камнем спикировало малогабаритное транспортное средство. На борту неизвестного летательного аппарата было двое пассажиров.

Хвостов сделал недовольную мину:

– Дождались! Проверяющие на нашу голову пожаловали. Теперь...

Конца его фразы я не услышал, потому что аппарат устрашающе взревел перед тем, как двигатель окончательно замолчал. Квадратная форма аппарата противоречила всем законам аэродинамики, однако он спустился с неба, и это был неопровержимый факт. Почему-то я сразу окрестил про себя это устройство «ступой».

Двое выбрались из него и подошли к нам. Один со смуглым горбоносим лицом, второй с рыжей бородой и без усов. Тот, который с бородой, с удивлением спросил у Хвостова:

– Николай Петрович, что вы здесь делаете? И как посторонний оказался в запретной зоне?

– Так это, Лось его привёл, говорит...

Оба человека, прилетевшие на ступе, с недоверием воззрились на меня. Я непроизвольно дотронулся до плеча, которое пострадало от атаки вылетевшего из камня предмета. Горбоносый подошёл ко мне и сказал:

– Что у вас там? Покажите.

Я показал. Утолщения уже не было, но на месте удара появился небольшой рисунок: пентаграмма в круге.

– Давно это у вас? – Горбоносый сделал знак Рыжебородому приблизиться. Хвостов тоже подошёл и встал рядом. Все трое уставились на мою отметину.

– Только что, вернее пятнадцать минут назад какая-то хрень вонзилась мне в плечо, и вот результат. Вы знаете, что это? – Я не на шутку забеспокоился.

– Печать пентакля. В старинных рукописях говорится... Впрочем, об этом потом. А сейчас вам придётся отправиться с нами. О вашей машине позаботится наш товарищ, – Горбоносый указал на Хвостова.

* * *

Ступа, в которую мы не без труда поместились втроём, приземлилась на лужайке перед деревянной избой, которая смутно напомнила мне что-то уже виденное. Дежавю усилилось, а потом перешло в узнавание, когда на пороге появилась солидная женщина в длинной чёрной юбке, белой кофте и платке, завязанном узлом на лбу.

Мои спутники выбрались из ступы и подошли к женщине:

– Спасибо, Наина-Свет-Киевна, выручили нас! Пространственно-временной континуум опять пошаливает, обычные средства транспорта и связи не работают, телепортация тоже отказала, только ваша ступа и летает.

Принимая от Горбоносого ключи зажигания, Наина внушительно произнесла:

– Долг платежом красен, Роман. Магия магией, а закон сохранения энергии никто не отменял. Моя Ступа – это вам не вечный двигатель какой-нибудь, который физическим законам не подчиняется. Так что с вас две таблетки шакти и один оджас.

Горбоносый закатил глаза и развёл руками:

– Без ножа режете, уважаемая Наина Киевна! Мы так не договаривались! – Обращаясь к Рыжебородому, он запросил поддержки:

– Володя, скажи, мы ведь так не договаривались?

Рыжебородый Володя вздохнул и уклончиво ответил:

– Придётся выделить из НЗ, Роман. Сам понимаешь – с Наиной Киевной отношения портить нельзя. Нам ещё с экспонатами музея работать и работать...

Только сейчас я обратил внимание на вывеску, украшающую каменное строение в глубине двора, которое вместо фундамента покоилось на деревянных сваях, искусно выполненных в виде огромных куриных лап:

ИЗНАКУРНОЖ
ИЗБА НА КУРИНЫХ НОГАХ
ПАМЯТНИК
СОЛОВЕЦКОЙ СТАРИНЫ.

– Ваша взяла, Наина Киевна. Распоряжусь, чтобы со склада выдали топливо. И ещё просьба: устройте на ночлег этого молодого человека, его Лось рекомендовал. Позвольте представить...

Наина внимательно взгляделась в меня. На миг мне почудилось, что в её глазах мелькнуло узнавание. Может, только показалось?

– Можете не представлять, Володя, сама вижу. Новокрещенов Александр. Защитил кандидатскую по ИИ, докторская на подходе, 40 научных статей, из них 3 в солидных журналах, цитируемых за границей...

Я быстро прервал её:

– Теперь это неважно.

Наина (задумчиво пожевав губами):

– Да, милоч, это ты зря... Ну, не бойсь, не бойсь, я тебя этим фактом пока шантажировать не собираюсь. – После некоторого молчания она продолжила: – Вот у тебя на рубашке написано «ИИ – в массы». А какие такие массы? Непонятно. Массы бывают разные: массы снега, населения, трудящие массы, рвотные массы, наконец...

– Массы народа, – быстро перебил я, опасаясь дальнейшего, вполне предсказуемого поворота мысли чудной дамы. – А почему вы не спрашиваете, что такое «ИИ»?

– Ну, это и дураку понятно, «ИИ» – искусственный интеллект. Этим нас не удивишь.

– Переночуете сегодня здесь, – обратился ко мне Роман, – а завтра приходите в институт. Вам Хвостов дорогу покажет. Будет серьёзный разговор.

Так я попал на постой к Наине Киевне. Прошлый раз, когда с ней встречался, не видел никакого Изнакурножа рядом с её избой. Может, это одна из версий параллельного мира? Допустим, некий персонаж живёт в одном из этих миров, а в других мирах – его двойники. Или не совсем двойники, а с небольшими отклонениями. В одном мире, например, глаза у Ивана Ивановича, который поссорился с Иваном Никифоровичем, серые, а в другом зелёные. Или возьмём, скажем, Наину Киевну. В сказочном мире, где я познакомился с Алёнушкой и её козликком Иванушкой, у неё была бородавка на носу слева. А здесь справа.

А я-то? Откуда я взял, что я сам не меняюсь? Надо бы поразмыслить об этом на досуге. Интересно, помнит ли Наина о том, что мы с ней уже встречались не так давно? И почему помню я?

Все эти мысли проносились в голове, пока я шёл за Наиной Киевной, которая вела меня в избу. Здесь всё было чисто и прибрано: на комодах салфеточки и фарфоровые фигурки в виде неперменных слоников, на полу разноцветные половички, на стенах сельские пейзажи в стиле «лубок». Но мы не остановились среди этого великолепия, а пошли дальше. Наконец оказались в тесной комнатухе, которая резко контрастировала с предыдущей обстановкой и скорее смахивала на чулан. Разве что имела оконце. В одном углу этого закутка находилась лежанка в виде деревянного топчана, а в другом висела вешалка с каким-то тряпьем. Наина раздвинула тряпье, извлекла из-за него древнюю раскладушку и подала мне:

– На, раскладывай. Вместо матраса положишь пару ватников, они на вешалке висят.

Я с сомнением повертел в руках полученный антиквариат, сделанный из палочек и выцветшей парусины. Доверия он не внушал никакого.

– Можно, я на топчане лягу? Эта раскладушка того и гляди развалится.

Наина пришла в негодование, которое трудно описать. Ответила резко:

– И не вздумай! Экспонат, руками не трогать! Ложиться – тем более воспрещено. Беды не оберёшься. Уж поверь – я знаю, что говорю. Стели, где велено, пока я добрая.

С этими словами она ушла и унесла свечу с собой, а на мою просьбу оставить хоть какой-то источник освещения – ответила:

– Зачем тебе свеча? Завтра полнолуние, вон как луна светит!

В окно смотрела почти полная луна. Она действительно кое-как освещала помещение. Но я всё-таки сделал попытку найти выключатель; порылся по углам и нашёл за вешалкой. Голая лампочка под потолком загорелась, но тут же погасла. «Вредная старуха, – подумал я, – наверняка её козни». Раскладушка тоже всячески сопротивлялась моим попыткам её разложить. Но вот, кажется, готово, Я постелил два ватника, лёг и накрылся третьим. Долго не мог найти удобное положение. Одно неловкое движение – и несговорчивая койка вновь сложилась посередине, а я оказался на полу.

– Ну уж нет! Подумаешь – экспонат. В конце концов, здесь не Зимний Дворец! – Я перебросил ватники на деревянный топчан. Заснул сразу же, как только голова коснулась горизонтальной поверхности.

Всю ночь мне снились дурацкие сны. Сначала увидел кота, который сидел за столом и пил чай из самовара, закусывая баранками; причём на связке, перекинутой через конфорку самовара, болтались не хлебобулочные изделия с дырками, а ма-а-а-ленькие такие барашки. Затем я проснулся оттого, что кто-то тряс меня за плечо. Открываю глаза – никого. Зато в противоположном от вешалки углу заметил на колченогом столике красивый старинный ларец, в замочной скважине которого торчал большой ключ. Заинтересованный, подошёл и повернул его. От неожиданности резко отшатнулся, потому что из шкатулки вырвалось пламя и ослепило меня. Я даже зажмурился, а когда открыл глаза, то увидел диковинное существо, похожее на змею и на жар-птицу одновременно. Существо раскачивалось под музыку, лившуюся из шкатулки, а потом вспыхнуло и сгорело в синем пламени. Посыпался пепел, шкатулка захлопнулась, музыка смолкла.

Когда трижды прокричал петух, я проснулся в холодном поту на полу, прикрытый ватником, и первым делом посмотрел в угол, где ночью стоял столик. Никакого ларца, разумеется, не было. Как и его колченогой подставки. «Приснится же такая дребедень!» На всякий случай подошёл к тому месту. Пепла, как ни искал, не нашёл, но мне показалось, что всё же пахнет горелым. Или жареным.

– Подъём, Александр! Самовар выкипает.

Кандидат философских наук Хвостов стоял в дверях и подозрительно смотрел на меня.

– Что ты там ищешь? И почему ватник на полу? Свалился во сне, что ли, с раскладушки?

– Не знаю. Засыпал на топчане, – я даже указал на него.

– Эх тебя угораздило! Это же магическая лежанка-оттоманка, она вещие сны показывает. Которые, между прочим, сбываются, если их увидеть. Хочешь ты того или нет. Тебя что же, Наина не предупредила, чтобы ты туда не совался? И что же ты видел? – Николай Хвостов весь подался вперёд, и на его лице застыло напряжённо-выжидательное выражение.

Что-то заставило меня умолчать о сне. Я ошалело помотал головой:

– Не помню!

Хвостов с недоверием воззрился на меня.

– Ладно, идём завтракать. А потом отправимся на экскурсию по городу. И ровно в 14 часов нам надо быть в институте. Без меня ты туда не попадёшь – пропуск нужен.

Мы пили чай из самовара с баранками. На этот раз обычными, из теста. Николай дополнительно угостил меня подгоревшими гренками и рассказал, что Наина Киевна проснулась ни свет ни заря, оделась как на парад и умчалась на своей ступе на Лысую Гору.

– У вас и Лысая Гора есть?

– А как же! Там как раз намечается международный симпозиум на тему: «Древние архетипы и их влияние на современный мир». Наина Киевна – член организационного комитета.

– И кто участники?

– О, их много. Насколько я знаю, будут демоны, джинны, гномы, эльфы, русалки, гоблины, тролли... Даже Радужный Змей из Австралии обещался пожаловать! Послали приглашение дракону Луну из Китая, но он пока ответа не дал.

– А ты откуда всё это знаешь? Тоже участвуешь?

– Нет, меня не приглашали. Просто помогал Наине рассылать приглашения по электронной почте, она с современной техникой не очень. Говорит, не понимает, как без магической формулы письма путешествуют на большие расстояния! Я ей про серверы и про обмен информацией, а она мне – «В гримуаре об этом ничего не сказано!»

– А что такое гримуар?

– Настольная книга любого мага и волшебника.

После завтрака мы отправились в Институт. На вечнозелёном дубе, которого вчера вечером я не заметил, весело щебетали птицы.

– Послушай, Николай, здесь же дуба не было вчера? Или это я с дуба рухнул?

– Ни хао ма! – завопил дурным голосом кто-то у меня над ухом, и сверху посыпалась рыба чешуя. – Если ты чего-то не видишь, это не значит, что оно не существует.

Я посмотрел вверх – там промелькнуло что-то мохнатое, белое с чёрными пятнами, – потом пригляделся к упавшим на меня ошмёткам. Чешуя оказалась не рыба, а крупная и колючая.

– Это чешуя дракона, – со знанием дела прокомментировал Николай. – Василий развлекается. Не знаю, откуда берёт, но любит проходящему под дубом бросать на голову и смотреть, как тот будет отряхиваться.

Чешуя проникла за шиворот и рассыпалась по всему телу. Я поневоле начал безумно чесаться. Сверху послышался гомерический хохот, и Василий саркастически заметил:

– Если тебе плюют в спину – значит, ты идёшь впереди!

С этими словами на Хвостова сверху что-то упало – маленькое и круглое. Он от неожиданности споткнулся, а потом погрозил кулаком кому-то на дубе. Сверху явственно донеслось хихиканье.

– Жёлудь? – предположил я.

– Если бы жёлудь, – криво ухмыльнулся Николай. – Пошли скорей, а то он на нас всю вековую мудрость вывалит. Потом сроду не отмоешься.

– Значит, это тот самый дуб, на котором живёт Кот Учёный?

– Тот самый, тот самый. И дуб тот самый, и кот тот самый. Настолько учёный, что китайскому где-то выучился. Работает консультантом в НИИЧАВО на полном окладе, приняли архивариусом и экспертом по магическим знаниям. У него кличка «Чеширский», потому что появляется где хочет и когда хочет. И улыбается, зараза, так, что жуть берёт.

Между тем мы вышли на центральную улицу Соловца. По обеим сторонам стояли одноэтажные деревянные дома, в которых сквозь вечность пробивалась современность. Древность соседствовала с игривыми жалюзи на окнах, почерневшие срубы контрастировали с пластиком рам и искусно выпиленными резными наличниками на окнах и крылечках. Посередине улицы красовался колодец-журавль с жёлтым ведром, привязанным к толстой блестящей цепи. Рядом лежал крупный камень, который невольно притягивал взгляд: трудно было уловить его форму, она всё время менялась, а по поверхности пробежали письмена на разных языках, безостановочно сменяя друг друга.

– Ведро, кстати, не простое, а золотое! – между делом заметил Николай. – А камень философский, содержит всю мудрость мира.

– Как?! И его до сих пор никто не украл?!!

– Пробовали, неоднократно. Но всё без толку.

– Почему?

– Потому что это символ обретения бессмертия, не более того. Дается в руки только избранным. Да ты можешь сам убедиться. Подойди, потрогай.

Я подошёл и протянул руку к ведру. Рука прошла сквозь него, не испытывая ни малейшего сопротивления. Попытался дотронуться до камня – то же самое. Не удержавшись, заглянул в колодец: там, глубоко внизу, глухо булькало что-то. Голова у меня пошла кругом, и на секунду я провалился в промежуточное состояние, о котором говорят: ни жив ни мёртв. Надо мной порхали райские птицы, а под ногами разинули шербатые рты чудища из преисподней. Отшатнувшись, возвратился к Хвостову.

– Убедился?

– Что это? – Я сам не узнал своего ослабевшего голоса.

– Подарок из дружественного Шаолиня. Монахи приезжали оттуда – в порядке обмена опытом, так сказать, – и подарили. Вода – символ очищения разума, а золотое ведро на цепи – аллегория, которая показывает, что не надо привязываться к ценностям, – с серьёзным видом объяснил Хвостов и внимательно посмотрел на меня пару секунд, а затем расхохотался: – Пове-рил?

– Ну...

Он, довольный как стадо слонов, сообщил:

– Обычная голограмма для туристов. Для воссоздания общего впечатления, так сказать. Многие ведутся.

– А почему я вдруг на миг как будто потерял сознание?

– Это ты у себя спроси. Впечатлительный, видать, очень.

Мы двинулись дальше. Местность вокруг постепенно изменилась, одноэтажные дома сменились более современными зданиями, с двумя и тремя этажами, всё более приобретая черты привычной городской застройки.

– Приближаемся к центру Соловца! – Собеседнику явно нравилась роль гида. – Здесь у нас главная местная достопримечательность.

Я внимательно взгляделся в странное сооружение, возникшее прямо посреди улицы и преграждающее нам путь. Глухая стена без окон и дверей из красного кирпича, метра три высотой, уходящая налево и направо и загибающаяся по кругу в отдалении, – вот на что более всего была похожа «местная достопримечательность».

– Что это?

– Лабиринт.

– Кто его здесь построил? Зачем? Разве он не мешает проезду?

– Слишком много вопросов, и ни на один у меня нет ответа. Как, впрочем, ни у кого в этом городе, включая магов и магистров. Одно я тебе могу сказать: никто его не строил, он сам здесь появился. Старожилы говорят: однажды проснулись, а он стоит. Стена уходит кольцом направо и налево – видишь? Дома, которые стояли здесь раньше, оказались внутри, и никто не знает, что произошло с жителями. Наиболее дотошные научные сотрудники измерили периметр стены, когда она появилась. Через некоторое время у них появилось подозрение, что сооружение растёт, вширь раздаётся. Измерили ещё раз – так и оказалось. С тех пор каждый день стали измерять, чтобы вычислить скорость расширения. Она оказалась непостоянной. Вон, видишь, Амперян держит рейку, а Привалов меряет зазор. Потом по уменьшению кривизны поверхности будут определять, насколько выросла стена.

«Чтобы весь периметр не измерять», – догадался я.

– А откуда стало известно, что это Лабиринт? Стена-то непрозрачная.

– Упросили Наину Киевну пролететь над ним сверху. Она долго отнекивалась, говорила, что у неё нехорошее предчувствие, но ей пообещали месячный запас топлива для ступы, и она

согласилась. Вернувшись из полёта, рассказала, что внутри сплошные извилины, завихрения, выступы, углубления... И зарницы сверкают. Во второй раз с ней хотел полететь Эдик с фотоаппаратом, но она заупрямилась: не полечу больше, говорит, там снизу стреляют, а мне моя жизнь дорога, я ещё свою миссию не выполнила.

Мы подошли и поздоровались с людьми у Стены. Двоих я узнал: это были мои вчерашние знакомые, Роман и Володя. Они руководили процессом:

– Эдик, ровнее держи, у тебя одно плечо ниже, – говорил Роман.

– Александр, тщательнее измеряй, здесь точность нужна, а не быстрота, – вторил ему Володя. – Спешка нужна знаешь для чего?

– Знаю, знаю. А если она будет расти быстрее, чем я меряю? График показывает устойчивый рост с ускорением.

– Роман Петрович, вы бы помогли рейку держать, а то у меня руки затекли, – пожаловался сотрудник, которого называли Эдиком.

Роман посмотрел на меня.

– Александр Сергеевич, не поможете? Я должен наблюдать со стороны, так лучше видно.

Я подошёл к Эдику и взялся за другой конец рейки. Вдвоём мы смогли придать ей горизонтальное положение, которое удовлетворило обоих начальников, после чего, записав результаты отклонения концов рейки от стены, все вместе направились в институт.

* * *

Мы подошли к институту без пяти минут два. Впятером, Хвостов сослался на дела и с нами не пошёл. Поднявшись по мраморной лестнице и войдя в дверь-вертушку, я увидел на стенах в огромном холле на первом этаже множество картин.

– Здесь все бывшие директора института, – объяснил мне Роман, указав налево и направо, и добавил: – Прямо напротив входа – портрет нынешнего директора, Януса Полуэктовича Невструева.

У директора на портрете было задумчивое и слегка удивлённое лицо. Слегка приподнятая правая бровь усиливала это впечатление. Знаете, бывают такие портреты, которые следят за зрителем, в какую бы сторону от них тот ни удалялся. Зрачки изображённых на картине лиц всегда направлены прямо на него. Так вот, этот портрет был именно из таких. Пока мы поднимались по винтовой лестнице на второй этаж, директор на портрете не спускал с меня глаз. Я специально оглянулся на него ещё раз перед тем как углубиться в коридор на втором этаже: Янус Полуэктович смотрел на меня строго и оценивающе, как будто прикидывал, насколько мне можно доверять.

По красной ковровой дорожке мы приблизились к двери с табличкой «Заведующий отделом Смысла Жизни». Пониже было приписано от руки: «Кристобаль Хозевич Хунта».

Володя не успел постучать в дверь, как оттуда донеслось:

– Прошу вас, входите.

В просторном овальном кабинете за закруглённым столом сидел в кресле аристократичного вида мужчина с породистым вытянутым лицом и неторопливо курил сигару. Одет он был безукоризненно: костюм, галстук-бабочка, из кармана пиджака торчал уголок белоснежного носового платка.

– Присаживайтесь, – широким жестом пригласил нас Хунта.

Мы уселись. Стульев оказалось ровно пять.

– Итак, вы – Александр Сергеевич Новокрепцов, и вас привёл Лось? – вежливо осведомился Кристобаль Хозевич.

– Так точно.

– Ну, не надо так по-казённому, – поморщился Хунта. – Мы с вами не на плацу. Позвольте представить наших сотрудников: Роман Петрович Ойра-Ойра, магистр, начальник лаборатории беспроводной передачи энергии; Владимир Андреевич Почкин, заведующий отделом изучения волшебных артефактов; Эдуард Альбертович Амперян, сотрудник отдела Линейного Счастья, магистр, вежливый и приятный во всех отношениях человек. Не курит, в отличие от меня. Триста лет уже не могу избавиться от этой скверной привычки. И ваш тёзка, Александр Иванович Привалов, специалист по ИИ, как и вы. Прошу любить и жаловать.

Кристобаль Хозевич положил окурочек сигары в пустую хрустальную пепельницу, которая довольно чавкнула и... выпустила из себя ароматное облачко. Я пригляделся: окурочка в пепельнице не было.

– Аннигиляция?

– Что вы! – Хунта изящно взмахнул рукой. – Всего лишь разложение на исходные составляющие: азот, углерод, водород.

Он помолчал и продолжил:

– Итак, я вижу, что у вас возникли вопросы. У нас тоже их много накопилось. Первый вопрос: кто такой Лось и откуда он взялся? Ответ: мы и сами не знаем. Вот то небольшое, что нам удалось выяснить: его рога служат антеннами, чувствительными к людям творчества. Если он вас привёл, значит, вы один из таких. Своими рогами-антеннами он посылает сигнал, который улавливают особо чувствительные люди. И, повинаясь зову, идут ему навстречу. Это потенциальные наши сотрудники, готовые к решению сложных проблем. А сложных проблем у нас хоть отбавляй: поиски смысла жизни, определение понятия счастья, ответ на вопрос, может ли добро победить зло, оставаясь при этом добром, и так далее.

– Выходит, я, как подопытный кролик, пришёл, повинаясь какому-то непонятному зову? Я-то думал, что меня привело научное любопытство!

– Так оно и есть. Просто Лось... ну, скажем, немного поспособствовал вашей любознательности. Если захотите, будете работать с нами, нет – можете хоть сейчас отправляться на все четыре стороны. Мы пока вас ни в какие тайны не посвящали, вы тоже нам обещаний не давали.

– А печать?

– Какая печать? – Хунта был не на шутку удивлён.

– Вот эта! – Я задрал рукав рубашки и продемонстрировал своё клеймо. За последние сутки рисунок стал более чётким, звезда в круге слабо фосфоресцировала, плечо пощипывало.

– Что у вас в кармане? – быстро спросил Хунта.

– Ничего. Только... – Я достал спичечный коробок, в котором держал резонатор-накопитель, вернее, то, что от него осталось, после того как я на него сел.

– Дайте сюда!

Я безмолвно повиновался. Кристобаль Хозевич осторожно взял коробок, который слегка обуглился по краям, щипчиками для бровей достал из него сиреневую «фасолину» и, аккуратно держа перед собой, вполголоса пробормотал несколько слов. Мне показалось, по-латыни. Из них я слышал только: «...солья дэла луче...»

– Коллеги, вы знаете, что в этом кристаллическом зёрнышке заключено колоссальное количество энергии? По моей оценке, порядка десяти гигаватт. Столько вырабатывает крупная электростанция! Откуда это у вас? И почему вы носите такую бомбу в спичечном коробке?

Я объяснил.

– Угораздило же! Думаю, печать привлекли не вы, а этот – как вы его называете? Резонатор-накопитель? Пусть будет резнак для краткости. А вы сыграли свою роль просто как носитель. И как испытатель. Ещё предстоит выяснить влияние этого прибора на человеческий организм.

Роман, Володя и Эдик с интересом наблюдали за происходящим. Ойра-Ойра сказал:

– Кристоаль Хозевич, это что же получается? У вас в руках портативный инструмент, который может накопить мощный заряд энергии? Это же как раз то, что нам нужно! Мы с его помощью можем попытаться проникнуть в лабиринт!

– Мне нужно подумать. – Хунта обратился ко мне: – Вы не возражаете, если я пока положу резнак в свой сейф? Не волнуйтесь, с ним ничего не случится, он будет за семью печатями. А завтра мы сделаем для него новый экранирующий корпус, будет как новенький. И безопасный для носителя, то есть для вас. На сегодня всё.

– Простите, Кристоаль Хозевич, а какой второй вопрос? – Моё любопытство всё-таки взяло верх.

– Что вы имеете в виду?

– Ну, вы сказали, что первый вопрос заключается в том, кто такой Лось и откуда он взялся. Значит, наверняка есть ещё и второй.

– Второй теперь будет зависеть от того, захотите ли вы с нами сотрудничать. Поговорим об этом завтра. – Хунта продолжил, обращаясь к Привалову:

– Кстати, коллега, я заметил, как внимательно вы смотрели на плечо Александра; что вы могли бы сказать по поводу этой печати?

– Очень похоже на вживлённый чип, но точнее можно будет сказать по результатам исследования.

Час от часу не легче! Если меня чипировали, то с какой целью? Я пока никаких изменений в себе не ощущал. Неприятно засосало под ложечкой. А вдруг...? Это устройство может в любой момент выкинуть невесть что. Я постарался справиться с подступающей паникой. Пока ещё ничего неприятного не произошло. Может, это никакой и не чип. Тогда что?

4

Непонятная печать на плече пока никак себя не проявляла, и это успокаивало. Мне предложили поработать в институте, на что я с радостью согласился. Всё-таки маги – интересная публика! Могут телепортироваться из одной точки в другую, предсказывать погоду с вероятностью девяносто и девять десятых процента, становиться невидимыми... Последнее свойство, правда, не очень удобно для окружающих: всегда надо держаться начеку – а вдруг за тобой подглядывают?

Для начала взяли на месячный испытательный срок. Вот и хорошо! У меня, как у кандидата наук, по основному месту отпуск большой и ещё не закончился. Под руководством Хунты создали группу, в которую вошли Эдуард Амперян, Александр Привалов и ваш покорный слуга. В её задачи входили исследования Лабиринта и с этой целью – попытка проникновения внутрь одного.

– Александр, – душевно сказал Кристоаль Хозевич, вручая мне временный пропуск сотрудника НИИЧАВО, – с вашим появлением у нас появились новые возможности. Не возражаете, если попробуем применить резнак в качестве ключика к Лабиринту? Потребуется некоторая подготовка, я должен составить магическую формулу, облегчающую вход в него. Для вас, как ответственного за испытания прибора, это тоже должно быть интересно.

– Но позвольте! – запротестовал я. – Не кажется ли вам, что магия и современные научные технологии несовместимы? Всё равно что скрещивать бульдога с носорогом или орхидею с ежевикой.

– Ещё как совместимы! Вы думаете, что магия – это какие-то потусторонние заклинания, ничего общего не имеющие с реальной действительностью? Ошибаетесь, коллега! Конечно, с точки зрения рядового обывателя, магия – это чудо, колдовство. Но на самом же деле это просто пока неизвестная так называемой «современной науке» технология, цель которой – манипуляция с энергетическим полем. В принципе, любое рабочее заклинание – это та же

программа, заданный алгоритм для управления энергией. Человеку, жившему сто лет назад, наше общение по интернету или мобильному телефону показалось бы волшебством и магией. Теперь же это никого не удивляет. Соединять магию с наукой можно и нужно для повышения производительности труда. Вон даже Наина Киевна теперь пользуется интернетом как средством общения. Хотя всю жизнь только и делала, что варила зелье и занималась трансформацией разных предметов и существ друг в друга. Ну что, я вас убедил, коллега?

– Почти, – признался я.

Эдуарда Амперяна, работавшего в отделе Линейного Счастья и входившего в нашу группу по исследованию Лабиринта, все звали просто Эдик. Скромнен он был необычайно: отказался от премии за прорыв, совершённый в науке при создании миниатюрного чипа искусственного интеллекта, и предложил полагающиеся ему деньги потратить на оборудование Полигона для испытания волшебных артефактов. Благо они с некоторых пор начали появляться на территории, прилегающей к Лабиринту, как грибы после дождя. Долго не удавалось составить опись данных предметов в цифровом виде – на следующее утро даже несколько раз сохранённые файлы со списком почему-то исчезали с любого компьютера, и приходилось начинать всё сызнова. Артефакты появлялись разные, в основном те, которые были известны по сказкам и мифам: гусли-самогуды, сапоги-скороходы и т. д. Но иногда возникали и такие, которые в мифотворчестве пока не нашли своего отражения: баранки-самобранки, УПС (Универсальное Платёжное Средство в виде банковской карты, с которой сколько ни снимай, меньше не становится), философский камень в форме Курицы Рябы, которая раз в два дня несла золотые яйца, но прятала их так, что пока никому не удалось найти ни одного.

Володя Почкин, маг и заведующий отделом изучения волшебных артефактов, предположил, что поскольку предметы древние и к тому же магические, подходить к их каталогизации тоже нужно старым дедовским способом. Поэтому для переписи завели толстую амбарную книгу и тщательно вписывали туда каждую новую подобную находку – аккуратно, каллиграфическим почерком, с помощью гусяного пера. Над чернилами тоже пришлось попотеть. Для них стали использовать смолу вишни или акации, а чтобы сделать чёрными, добавляли сажу или чернильные орешки.

Часть артефактов поместили в музей Изнакурнож, под личную ответственность Наины Киевны Горыныч. Некоторые, громоздкие, отвезли на Полигон Необъяснимых Явлений, в просторечии Поле Чудес. Например, для транспортировки возникшей за одну ночь башни-миражни потребовались десять быков, запряжённых цугом. Башня каждый день меняла облик: то становилась маяком, то фонарным столбом, а однажды и вовсе превратилась в радугу, по которой некоторые отчаянные смельчаки рискнули забраться на самую вершину, но потом быстро скатились назад, потому что радуга начала опасно раскачиваться. После этого над Полем Чудес стараниями магов и магистров установили силовое поле, своеобразный энергетический купол, а туристов стали пускать на экскурсии только вместе с гидом.

Наконец Хунта заявил, что магическая формула готова. Это было в четверг вечером. Мозговой штурм назначили на пятницу. Можно было собраться и в субботу, поскольку она плавно перетекала в понедельник, но мы решили не откладывать на послезавтра то, что можно сделать завтра.

Подходя к институту, увидели Хвостова, который стоял на боковой дорожке парка и внимательно следил за летающим блюдцем, направлявшимся к Полигону.

– Третье за сегодня, – заметил Эдик, – что-то Лабиринт резко активизировался. А до Полигона они не долетают, куда-то пропадают по дороге.

Хвостов заметил нас, помахал рукой и хотел подойти, но что-то увидев в кустах барбариса, быстро пошёл прочь.

– А в каком отделе Николай работает в институте? – осмелился спросить я.

– Работает? – удивился Привалов. – Ни в каком отделе он у нас не работает. Хотел бы, но не прошёл процедуру допуска. Не смог предоставить ни диплома, ни документа, подтверждающего защиту диссертации. Украли, говорит. Послал, говорит, запрос в ВАК. Сторожем устроился пока.

В кустах кто-то завозился, и невидимый голос произнёс:

– Темна вода во облацех...

Все, включая меня, посмотрели в ту сторону, откуда донёсся голос.

– Во-во! – подтвердил Эдик. – И мне он внушает подозрения. Не надо было его сторожем нанимать.

Из-за кустов появилась бело-чёрная кошачья морда. Толстые усы с сиреневым оттенком торпорщились во все стороны, в зелёных глазах явно читалась ухмылка. «Чем шире рот – тем чеширей кот», всплыло откуда-то у меня в памяти. Действительно, у него был широкий рот и длинные, как локаторы, уши. Он потряс ушами – наверное, в них попала цветочная пыльца – и начал медленно пропадать. Я вспомнил, что про него говорил Николай, и понял, что это и есть тот самый Учёный Кот.

Мы ещё постояли, проводили взглядами летающее блюдо.

– Похоже, Николай Хвостов недолюбливает Кота, – заметил я. – Это не он Николаю лоб расцарапал?

– Он самый, – подтвердил Эдик. – Хотя Кот у нас очень флегматичный и философски настроенный...

– А за что ему его любить? – удивился Саша Привалов. – Хвостов претендовал на должность старшего библиотекаря и хранителя древних манускриптов, заявлял, что является экспертом в области магических знаний. Но, как я сказал, даже документа об образовании не смог предоставить. Поэтому, когда Учёный Кот был назначен архивариусом, он его возненавидел.

– А что, у Кота есть диплом? – с невинным видом поинтересовался я.

– Ему диплом не нужен. У него реноме почище любого диплома. В сложных случаях мы часто обращаемся за консультацией к Василию. Он не всегда прямо отвечает на поставленный вопрос, иногда только улыбается. Но замечено, что ответ на заданный вопрос с течением времени приходит сам собой.

Мозговой штурм был назначен на десять утра. Мы подошли к кабинету Хунты без пяти десять. Хозяина ещё не было, но дверь была не заперта, поэтому мы вошли и расположились вокруг стола в овальном помещении.

Меня очень заинтересовал Кот, поэтому я спросил:

– Василий всегда так неожиданно появляется и исчезает? За это его и прозвали Чеширским?

– Ты и это уже знаешь? Ах, ну да, ты же общался с Хвостовым, – вспомнил Эдик.

– Между прочим, астрономы недавно обнаружили группу далёких гигантских галактик, – произнёс Привалов, как мне сначала показалось, невпопад. – Они им дали название «Чеширский Кот» из-за того, что на снимках эти звёздные скопления похожи на улыбающуюся кошачью морду: три галактики как нос с глазами, а вокруг круглая мордочка – полосы звёзд, свет от которых усилен за счёт гравитационного линзирования.

– Что это значит?

– А то, что гравитационная линза изменяет своим полем направление света, и в тех местах, где мы видим звёзды, на самом деле их нет. Они совсем в другом месте. И я подозреваю, что наш Кот Учёный что-то эдакое тоже использует, чтобы показываться в самых неожиданных местах. Искривляет гравитационным полем лучи света на потеху изумлённой публики.

Мы помолчали. Я переваривал полученную информацию. Вдруг прямо посередине комнаты возникло завихрение. Поток воздуха пришёл в движение, подхватил со стола листы

бумаги и кинул на пол. Эдик бросился их подбирать и чуть не столкнулся с Хунтой, материализовавшимся из уплотнения на месте завихрения.

– Прошу прощения, коллеги, за опоздание. Надо было кое-что проверить. Вы заметили, что блюдца из Лабиринта направляются в сторону Полигона, как к себе домой, а потом спокойно преодолевают силовой барьер и куда-то исчезают? А ведь там заклятие пятого уровня, самолично ставил.

– И что это значит? – осведомился я.

– А то, мой юный коллега, что нам надо спешить. Лабиринт за Стеной резко активизировался. У кого какие будут соображения? Что скажете, Привалов?

– У меня две новости...

– Начинайте сразу с плохой.

– Я вывел по имеющимся точкам формулу расширения Стены. Оказалось, что её ускорение в точности соответствует характеру расширения вселенной. С учётом масштаба, конечно. Как будто Стена – это уменьшенная копия границы видимой вселенной. Горизонт видимых событий во вселенной – тринадцать миллиардов восьмьсот миллионов световых лет; это соответствует примерно единице с двадцатью тремя нулями, если в километрах. Радиус Стены сейчас составляет около восьмисот метров, и он продолжает увеличиваться. Причём, как мы знаем, с ускорением.

– То есть через какое-то время Стена дорастёт до института и поглотит его?

– В общем, да. Хотя есть нюанс. И здесь мы переходим к хорошей новости.

Заинтригованные, мы затаили дыхание и ждали продолжения. Привалов победно оглядел нас и продолжал:

– Некий инженер-самоучка из Вышнего Волочка сконструировал у себя на чердаке модель расширяющейся вселенной и доказал, что через миллиард лет вселенная начнёт сжиматься. То есть у него получилось, что мы живём за миллиард лет до конца света. Он послал свои расчёты в журнал «Успехи физических наук», но поскольку у него нет научной степени, статью даже не стали рассматривать. Отправили в отдел курьёзов. По счастью, у меня в редакции знакомый работает, он и рассказал, смеясь, об этом казусе.

– А какое отношение это имеет к нам? – Хунта потянулся за сигарой, но передумал и вместо этого налил воды в стакан из хрустального графина и залпом выпил.

– Самое прямое. Смотрите. если применить тот же масштаб, что и к пространству... В общем, не буду вас донимать цифрами, но у меня вышло, что где-то через несколько суток Стена может начать сжиматься.

– Коллеги, что же получается? Если так, то мы имеем дело с объектом, который ведёт себя как модель вселенной в миниатюре. И как же это прикажете понимать? Как чудо, как случайность или как происки внеземных цивилизаций? – Кристоаль Хозевич встал из-за стола и начал вышагивать по комнате взад-вперёд в состоянии крайнего возбуждения.

– Ну, почему сразу происки, – Эдик Амперян как зачарованный следил за Хунтой, который подошёл к сейфу и начал набирать шифр. – Может, они просто решили таким образом заявить о себе. Помните, как в 1972 году с Земли запустили в космос автоматическую межпланетную станцию «Пионер-10»? На этой станции была золотая пластинка с краткой информацией о Земле, Солнечной системе и её местоположении в Галактике. Может, до кого-то это послание дошло, и они решили таким хитрым способом ответить.

– То есть они ничего лучшего не придумали, как прилететь на Землю и построить Стену, как модель расширяющейся Вселенной? – съязвил я.

– А что ты хотел? Чтобы они спустились на летающей тарелке и сели на главной площади столицы? Чтобы их сразу же под белы ручки, или что там у них вместо рук, забрали бы?

– Хорошо, а почему именно здесь?

– Почему бы и нет? Чем это место хуже другого? Мы, по крайней мере, готовы к чудесам, у нас сознание не зашорено. Для нас что ни день, то всё чудесатее и чудесатее.

Наконец Хунта вынул из сейфа резак и протянул мне.

– Сделали новый корпус. Теперь он не тефлоновый, а танталовый. Устойчив к высоким температурам. Если тефлон выдерживает до плюс двухсот шестидесяти по Цельсию, то тантал даже при трёх тысячах ещё не плавится. – После небольшой паузы Хунта спросил меня: – Коллега, вы не будете возражать, если с помощью вашего прибора мы попытаемся проникнуть внутрь Стены?

– Нет, конечно. Только у меня условие: прибор буду держать я.

– Разумеется. Учитывая, что у нас осталось не так много времени... Я правильно понимаю, коллега, что через несколько дней Стена может начать сжиматься, чтобы в конце концов превратиться в сингулярную точку?

Вопрос был обращён к Саше Привалову. Тот кивнул:

– Это, конечно, только рабочая гипотеза, но такой поворот событий не исключён. Тогда это будет ещё одна модельная иллюстрация теории пульсации вселенной.

– Надо спешить. Послание это или не послание, мы с вами, как учёные маги и ответственные представители земной цивилизации, не можем упустить предоставленный нам шанс исследовать пространство за Стеной. Тем самым, если ваша гипотеза верна, сделать гигантский шаг вперёд в исследовании вселенной. Мы и раньше думали о том, как проникнуть внутрь. Пытались заглянуть сверху, но Наина Киевна наотрез отказалась одолжить нам ступу после того, как один-единственный раз пролетела над Лабиринтом. Ступа, говорит, у меня уникальная, второй такой на всём свете не сыщешь, а внутри зарницы сверкают и молнии проскакивают. Совсем рядом со мной, говорит, ударила одна, так что я чуть не свалилась в это пекло.

Вверху за портьерой кто-то завозился, и знакомый голос басом произнёс:

– Не тот велик, кто никогда не падал, а тот велик – кто падал и вставал!

На нас с ухмылкой глядела кошачья морда Учёного Кота Василия. Рот до ушей, уши топориком, усы веером.

– Василий, душа моя, как вы считаете: есть у нас шансы на успех? – осведомился Кристобал Хозевич со всей возможной почтительностью.

Кот начал исчезать, но перед тем как окончательно пропасть, ответил:

– Порой мы видим многое, но не замечаем главного.

– Вот так всегда! – вздохнул Эдик. – Говорит сентенциями, но только то, что сам пожелает, а если что конкретное спросишь – игнорирует.

– Главное – задать правильный вопрос! – наставительно подчеркнул Хунта и поднял вверх указательный палец. – Правильный вопрос – половина ответа. Над другой половиной придётся потрудиться самим. Завтра же и выступаем.

– А что мы, собственно говоря, надеемся найти, проникнув внутрь Стены?

– А что надеялся найти Христофор Колумб, отправляясь в море на «Санта-Марии» из Палос-де-ла-Фронтера? Прежде всего им двигала жажда непознанного. Никогда не знаешь заранее, что обретёшь, когда отправляешься в такой путь. Понятно, что он искал золото. Но ведь не только! Это был научный эксперимент: доказать, что Земля круглая. Он стремился в Индию, а наткнулся на Америку. Так что лучше заранее не ограничивать горизонт. Будем приветствовать любые открытия.

Все немного помолчали. Наконец Хунта изрёк:

– Древняя китайская мудрость гласит: ищи истину внутри, и она проявится снаружи. Однако при этом не удивляйся, если найдёшь чудовище, которое тебя растерзает.

– Но это не значит, что ничего не нужно делать! – возмутился Саша Привалов. – Или вы хотите сказать, что нужно запретить разрабатывать искусственный интеллект, потому что неизвестно, к чему это всё приведёт?

– Запретить всё равно не получится. Ещё ни у кого не получалось. Так что завтра идём к Стене. Сбор у института в девять ноль-ноль.

* * *

– Выпускаем дракона... Где у нас дракон? Как нету? Куда он делся? А-а-а, трансформировался и обрёл цельность! Ну, выпускайте того, кто вместо него. Кто? Дракфен? Пусть будет Дракфен, лишь бы дело знал.

– Через портал всех пропускаем?

– Нет, только одного, у которого печать.

* * *

На следующий день под предводительством Кристобаля Хозевича Хунты, Заведующего отделом Смысла Жизни, мы отправились в поход. Выходя из института, я глянул на портрет Януса Полуэктовича: тот смотрел на нас с нескрываемым интересом; мне даже показалось, что директор слегка, но явно одобрительно кивнул вслед нашей процессии. Когда спускались с лестницы, заметили под ней знакомые сиреневые усы, и вкрадчивый голос промурлыкал:

– Безумству храбрых поём мы славу...

Впереди выступал сам маг, за ним – я с резнаком, а замыкали шествие Саша Привалов с Эдиком. Больше нас никто не сопровождал по одной простой причине: мы никому не рассказали, что идём на опасное предприятие. А то, что оно опасное, понимали все четверо. Надежались только, что если с нами что-нибудь случится, остальные сотрудники не пострадают: всё-таки от института до края Лабиринта целых полтора километра.

Мы приблизились к Стене с той стороны, где она краешком заходила в зону Заповедного леса. И от института подальше, и вероятность меньше, что кто-нибудь из любопытствующих нас заметит.

– Александр, вы, главное, не волнуйтесь! – напутствовал меня Хунта. – Я поставил вокруг Стены защитное поле, могу удерживать его примерно полчаса. За это время никто к ней не приблизится. Мы будем идти сразу за вами, подстрахуем...

– Может, не надо?

– Что – не надо?

– Идти сразу за мной. Держитесь метрах в пяти. Мало ли что...

Сошлись на том, что буду идти впереди в трёх метрах от остальных. Не успел я дотронуться до кнопки и включить резнак, как в Стене появилось отверстие, достаточное для того, чтобы протиснуться одному человеку. Не долго думая, я шагнул в образовавшуюся щель...

* * *

Что было дальше – помню смутно, как во сне. Я попал в лабиринт, вокруг завертелась карусель из промелькнувших за последнее время событий, лиц и испытаний: сестрица Алёнушка, братец Иванушка, Авдотья Павловна, поход к Наине Киевне; Дракон Лун, гоняющийся за своей подружкой птицей Феникс; снова Наина Киевна, Учёный Кот Василий, Эдик Амперян, Хунта... Мой мозг начал пульсировать и расширился до границ Вселенной, а потом сжался в точку. И привиделось мне в фантазиях, что Хвостов Николай – представитель инопланетной цивилизации, проникший на Землю с целью эксперимента над её жителями; он внедрил в меня чип, чтобы воссоздать миры-галлюцинации на основе прочитанных книг и исследовать поведение подопытного в этих иллюзорных реальностях. Хвостов летал над горизонтом событий,

злорадно смеялся и зачем-то толкал меня по направлению к чёрной дыре... А может, к кротовой норе? Я завис, время почти остановилось. Чувствовал, что падаю на горизонт событий и буду падать вечно... К счастью, пока время и пространство не поменялись ролями, я вспомнил про Дракона и крикнул: «Лун, помоги!» На пределе помутившегося сознания увидел Кота, который, оседлав Дракона, протягивал мне свой пушистый хвост и кричал: «Включи резнак!» Я нажал на красную кнопку и ухватился за хвост Василия. Хвостов хотел нам помешать, но Кот замахнулся на него лапой с острыми когтями, и тот отстал, заревев, как раненый Вепрь Ы. Дракон замахал золотистыми крыльями и вытянул нас вперёд и вверх, воспарив над горизонтом событий и оставив позади хищные щупальца чёрной дыры. Я подумал, что умираю, и потерял сознание...

* * *

– Миссия завершена, Эксцельсир, можем сворачивать экспедицию. Бр-р-р, всё-таки какая холодная планета! Скорей бы домой!

– Что у вас за новый шрам над средним глазом? Вчера его не было!

– Кот. Удивительно мерзкая тварь! Вцепился мне в лицо, еле его оттащил. Эти коты живут рядом с людьми на всём готовом, пользуются незаслуженными привилегиями и видят всех насквозь. Если людям можно внушить что угодно, то с котами это не пройдет. И никуда ведь не спешат, живут так, как будто у них впереди вечность! Даже этот Кот, хоть и выдуманый, приобрёл такую живучесть... Сами видите, это нам не подходит. План «Лабиринта» здесь не сработает. Слишком много архетипов, люди без конца подпитываются их энергией...

– Так что же, экспансия на эту планету отменяется?

– Да, Эксцельсир.

– Так и запишем в отчёте. Надеюсь, Лось стёр воспоминания у испытуемого?

– Не получилось, Эксцельсир. Мифологемы у представителей этого вида разумных оказались настолько сильны, что заблокировали стирание. К тому же, конкретно у этого индивида был с собой внушительный запас энергии, и мы не смогли...

– Ясно. Не страшно, всё равно ему никто не поверит. Мы своё дело сделали.

* * *

Когда я очнулся в стационаре Муромской центральной районной больницы, сердобольная нянечка, дежурившая у постели, радостно сказала:

– Очнулся, болезный! Ну, теперь дело пойдёт на поправку.

– Где я и как тут очутился? – хотел спросить я, но изо рта вырвался только слабый сип. Тем не менее, нянечка поняла смысл вопроса; наверное, догадалась по губам.

– Ты в больнице. Нашёл тебя добрый человек в лесу и привёз сюда. Странный человек: лето, а он в телогрейке. Ну, да мы и не таких видали. Вот, помню, в прошлом году...

Что было в прошлом году, мне не довелось узнать, потому что я опять провалился в забытье.

Когда вновь очнулся, неожиданно почувствовал себя вполне здоровым. На прикроватной тумбочке стояли графин с водой и стакан. Я с жадностью выпил всю воду. Страшно захотелось есть. Интересно, когда здесь кормят и что со мной случилось? Окно в палате открыто, но всё равно очень жарко. А на мне пижама с длинными рукавами.

Я начал их подворачивать и случайно дотронулся до правого плеча. Почувствовав пронзительный укол, скинул верх пижамы и вгляделся в то место, где ощутил боль: еле заметный рисунок, побледневший и сжавшийся до размеров однокопеечной монеты, вызвал целую лавину воспоминаний.

Вставая с кровати, ухватился за спинку, потому что внезапно закружилась голова. Направился к выходу из палаты, чтобы узнать насчёт еды. По пути бросил взгляд в окно: на парковке перед больницей стояла старенькая «шестёрка», взятая мною напрокат. На капоте сидел огромный чёрно-белый кот и умывался, как это делают все его собраты после удачной охоты. Вот он закончил тереть лапкой мордочку и уставился на меня долгим немигающим взглядом; усы кота зашевелились, а рот растянулся в слабое подобие улыбки. Или мне это просто показалось?

Вечер первый

Некоторое время после окончания рассказа слушатели молчали, замороженные заворотами фантастических приключений. Неяркий круг углей от прогоревшего костра, с редкими язычками пламени, и общие переживания ненадолго объединили всех в единую внимающую сущность.

– Да уж, – встрепенулся Филиппыч. – Знато! Словно продолжение «Понедельник начинается в субботу» прочитал. Причём получше, чем у самих Стругацких. Как оно там называлось-то у них?

– «Сказка о Тройке», – тихо ответил Александр. – Мне тоже не понравилось. А вот сам «Понедельник...» с детства люблю.

– А у вас правда след на плече есть? Ну, с пентаклем? – несмело поинтересовался Иннокентий. Вместо ответа старший турист, немного поколебавшись, скинул олимпийку и задрал рукавчик футболки. На лицевой стороне его дельтовидной мышцы слабо темнело что-то непонятное.

– Постепенно зарастает, – словно извиняясь, пояснил Александр. Не дожидаясь следующих вопросов, быстро оделся.

– Кстати, раз уж заговорили... Было у меня и некое продолжение. Причём, не здесь, а дома, в Новосибирске...

История II. Жар-птица прилетает в полночь

Когда долго стоишь у окна, постепенно начинаешь задумываться о смысле жизни. Много, конечно, зависит от того, что это за окно и где оно находится. Если, допустим, в вагоне поезда и ты смотришь на пролетающие мимо лачуги, покосившиеся заборы и маленькие полустанки, на которых никогда не останавливаются скорые составы, то в голову лезут непрошенные мысли о быстротечности жизни, тщете усилий и о том, как быстро человек способен загадить окружающее пространство. Особенно если окно будет пыльное, годами не мытое и едва пропускающее свет. Как, собственно, почти всегда в старых пассажирских поездах. Коэффициент поглощения больше коэффициента пропускания. Хотя, как знать? Если бы это железнодорожное стекло было прозрачное, стало бы ещё хуже. Вся тоскливая однообразность мутного осеннего пейзажа предстала бы как на ладони.

Если же гипотетическое окно находится на двадцатом этаже высотного дома, затерянного в каменных джунглях, из него забавно наблюдать мелких двуногих букашек, именующих себя людьми, и средства передвижения, с помощью которых они переносят свои тушки из одной точки в другую, покоряя пространство. Конечно, четыре колеса лучше, чем две ноги. На ногах далеко не уйдёшь, а на колёсах можно довольно быстро уехать в горы или даже на море. Или хотя бы выбраться за пределы города с его шумом, суетой и выхлопными газами, заехать в лес, найти местечко, свободное от плодов цивилизации и её отходов... Там можно дать волю воображению, а в городе, сами понимаете, фантазии разгуляться негде.

У меня окно на десятом этаже. Ничего интересного из него не наблюдается, кроме потока машин и семнадцатизэтажных домов через улицу. Иногда пролетит бутылка, выброшенная соседом сверху, которому лень дойти до мусоропровода, или окурков, который, если повезёт, может упасть в лужу. А может и на наш балкон.

Но сегодня мимо меня промелькнула жар-птица. Было это ровно в полночь. Я успел заметить точное время, потому что перед этим случайно бросил взгляд на часы, встроенные в электроплиту. Они показывали 00:00. Начало нового дня. Очень важного для меня, кстати, потому что на сегодня назначена защита моей докторской диссертации.

«Ну вот, жар-птиц мне только не хватает! – была первая мысль. – А почему, скажем, не зелёные человечки?»

Птица пролетела мимо и скрылась за углом дома. Я отчётливо видел крылья и горящий хохолок на голове, от которого исходил мягкий оранжевый свет.

Обычно я ложусь спать до двенадцати, а сегодня засиделся допоздна. Продумывал ответы на каверзные замечания оппонентов, которые явно не желали увеличивать число докторов наук за счёт молодого и нахального соискателя. Их многое не устраивало в моей диссертации, и прежде всего название: «О вероятности проникновения фрагментов солнечного ветра внутрь плотных слоёв атмосферы планет земного типа». Самое мягкое из возражений оппонентов – «название слишком длинное» – не выдерживало критики; бывали и подлиннее. Гораздо хуже обстояло с актуальностью и внедрением полученных результатов. У меня работа теоретическая, поэтому нужно представить рекомендации по использованию научных выводов.

А что тут порекомендуешь? Я доказывал, что в земную атмосферу могут проникать не только отдельные ионы из солнечного ветра, а целые сгустки солнечной плазмы. Причём большие сгустки, обладающие мощным электрическим полем, способны пробить дыру в магнитном поле Земли и спланировать в атмосферу из космоса не только вблизи полюсов, но и на средних широтах.

Заранее знаю, что мне скажут: «Где наблюдательная база?» Чего нет, того нет. Так я для того и выхожу на защиту, чтобы привлечь внимание к проблеме! Чтобы нашлись заинтересованные наблюдатели, провели бы ряд наблюдений. Пусть даже не найдут ничего поначалу, не

страшно. Отрицательный результат – тоже результат, потому что отсекает пути, по которым можно не ходить, чтобы не тратить время впустую.

Честно говоря, я считаю, что люди давно наблюдают эти сгустки солнечного ветра в виде шаровых молний, но не желают разобраться в существе вопроса. Уходят от ответа, прячут голову под крыло.

Кстати, насчёт крыльев. Пролетевшая мимо окна жар-птица – будем пока называть её так – махала крыльями. Я это точно видел. Жёлтые перья с красноватым отливом прекрасно выделялись на фоне тёмно-тоскливой мути за окном. На улице ноябрь, моросит противный дождь, весь огненный силуэт был виден как на ладони.

И тут меня осенило. Дотянулся до телефона и, боясь взглянуть на часы, набрал номер соседа сверху. Он переживает за свою новенькую Ладу Гранту и специально повесил камеру с видом на улицу, чтобы быть в курсе, если кто покусится на его сокровище.

– Что? Кто? Ты вообще в курсе, который час?!

– Прости, ради Бога, но дело не терпит отлагательств. – Я постарался как можно менее сбивчиво объяснить, почему мне срочно необходимы кадры его видеозаписи, сделанные ровно в полночь.

– Видеоматериал, говоришь? Как доказательство? Для завтрашней защиты? Хм. На моей вчерашней видеозаписи что-то похожее было. И на позавчерашней. Я подумал – лажа. Ладно, заходи через пять минут, я только лицо сполосну.

Через полчаса, довольный как слон после купания в реке Нил, я возвращался домой, любовно поглаживая флешку с нужными мне видеокадрами.

Интересно, что скажут завтра мои оппоненты? С удовольствием посмотрю на их лица! Ровно в полночь всю последнюю неделю одно и то же изображение, зафиксированное видеокамерой, что-нибудь должно значить для сомневающихся. Или я чего-то не понимаю?

Защита прошла на «ура», было всего два чёрных шара. Я даже немного расстроился, настолько всё прошло гладко. Оппоненты зачитали заранее заготовленные отзывы, не упомянув ни разу о моих видеофактах. И только на банкете, взяв меня за пуговицу на пиджаке, начальник отдела космогравиметрии укоризненно сказал:

– Слушай, старик, я всё понимаю: захотелось разбудить аудиторию и поэтому ты под конец решил развеселить публику и запустил эти картинки с фениксом. Да, возможно, древние что-то такое и наблюдали. Но какой смысл вспоминать в наше время о сказках?! У тебя работа теоретическая, не следовало перегружать ненужными домыслами. Поэтому я голосовал против. Остальные вообще ничего не поняли, да и не слушали вовсе. А если бы слушали – тебе бы не поздоровилось. Так что мой совет: перед тем, как направлять диссертацию в ВАК, убери ты к лешему эти видеоматериалы! Ни к чему это, у тебя отличный математический аппарат, пусть другие занимаются практикой, у кого мозги не такие крутые.

Вот я теперь и думаю, что мне дороже: истина или звание доктора физико-математических наук?

Вечер первый, продолжение

– Так ты для этого видеокамеру с таймлапсом у Вадика брал? – после некоторого молчания спросила Алёна. Александр невесело кивнул. Повисла некая недосказанность, усугублённая смущённым видом женщины.

– И что же, жар-птица до сих пор у вас по Новосибирску летает? – первым не выдержал Иннокентий.

– Да нет, пропала куда-то. Два раза ещё видел. А вот на камеру больше не смог зафиксировать. Нерегулярное явление оказалось.

– Ну, если это действительно была птица, то регулярность там скорее исключение. Крайне недисциплинированные существа! – с совершенно серьёзным видом заметил Кирилл. При его внешности истинного добряка это смотрелось комично. Все дружно заулыбались.

Мальчишка, поёживаясь в кожаной куртке с дядькиного плеча, подбросил ещё сучьев в костёр и, словно извиняясь, пояснил:

– Холодно становится по ночам.

– Ничего не поделаешь, Земля по-прежнему вращается по орбите вокруг солнца. А оно стремится к небесному экватору и скоро перейдёт из северного небесного полушария в южное. – Кирилл при каждом удобном и неудобном случае старался просвещать окружающих насчёт небесных явлений. Он искренне считал, что с тех пор как астрономию убрали из предметов школьного курса, люди стали неучами и в подавляющем большинстве безграмотно полагают, что смена дня и ночи происходит из-за того, что светило вращается вокруг Земли. – Сентябрь как-никак, дни всё короче, а ночи длиннее. Ещё немного – и уже осеннее равноденствие.

– Знаете, а в прошлом сентябре у меня тоже... история приключилась. Не совсем со мной, – тут же испуганно поправился Иннокентий. – С другом.

– Ну так расскажи! – деланно спокойно поддержала Снежана. Она потрянула своей белокурой головкой, и кудри заблестели, как крылья жар-птицы, в свете костра:

– Только если не очень длинная. А то уже совсем стемнело...

История III. Артефакт

Слегка сутулящийся благообразный старичок в приличном костюме и старомодных очках в очередной раз остановился у спортивной площадки. Как и в предыдущие дни, слегка упёрся вычурной тростью и задумался о чём-то своём, изредка поглядывая на занимающегося подростка. Сегодня было мокро и ветрено, поэтому лишь этот невысокий паренёк ворочал общедоступные тренажёры. Чем уже выгодно отличался от большей части сверстников. Он, конечно, заметил интерес одинокого прохожего, но никак не отреагировал. А зря! Ведь решалась его судьба. Впрочем, обычно вообще мало кто замечает её метания. Хотя потом, после свершившегося, «Боржоми», как правило, пить уже поздно.

Спортивная составляющая не особо интересовала старичка, хотя он привычно анализировал всё увиденное. «Сила воли на уровне. А вот выбранной техники, да и самой продуманной системы в занятиях, похоже, нет. Но почему именно здесь? Доходов семьи, теоретически, должно хватать на любой фитнес-зал. Да и просто дома тягать железо было бы удобнее... Ага, большие веса старается не брать, спину держит. Низ ветровки изредка обрисовывает широкий пояс. Корсет?»

Наконец, это произошло. Мальчишка страдальчески скривился, непроизвольно зажмурился, и схватился руками за поясницу. Да так и застыл. Пока его головы не коснулась чья-то тёплая кисть:

– Ничего-ничего! Сейчас полегчает.

Горе-спортсмен открыл глаза и увидел рядом давешнего старичка, одной рукой мягко поддерживавшего его затылок.

– Вы врач? – удивлённо спросил мальчик.

– Вас сейчас диплом интересует или всё же конкретная помощь?

Тёплая успокаивающая волна, действительно, пошла от руки благообразного по голове, вниз, расслабляя спину и снимая спазм. Вот только парень не знал, что в обратную сторону направился поток его старых эмоций и образов.

* * *

Осыпавшийся склон окончательно взорвал плотину Славкиного терпения. Мало того, что родителям приспичило развестись накануне его пятнадцатилетия, а потом отменить почти выстраданное всеми решение; мало того, что отец уговорил «снять весь этот стресс» экстремальной велопрогулкой по глухому уральскому лесу, во время которой мальчишка психанул и, похоже, заблудился; так теперь ещё и это! Тропа, по которой он так неудачно обогнал родителя, всё более сужаясь, вышла на самый край заросшего густым кустарником оврага. Или как он тут называется. И уставший Славка не удержался на мокром краю. Толстое рифлёное колесо псевдогорного велосипеда предательски вильнуло, срезало с кромки слой глины и... Дальнейший путь пошёл уже вниз. Вместе с землёй, травой, ветками овражной поросли и какими-то выворачиваемыми из склона булыжниками. Инстинктивно мальчишка намертво сжал руль и ножной тормоз, откинулся всем телом назад и завалился вправо – к земле. А созданная им лавина всё более ускорялась, увлекая вперёд. Велосипед клонился, грозя перейти уже в самолётное пикирование. Но Славка не собирался сдаваться. Он начал рвать руль, словно бы вздыбливая тупого железного коня, всё более откидываясь назад, и взмолился. Нет, не богу. Мало кто в пятнадцать лет является истинно верующим. Но – той высшей силе, что заполняет всё. «Мне ещё рано! Пожалуйста!!!»

Похоже, его услышали. Кусты начали уплотняться. Они так же легко ломались, но уже заметно замедляли скольжение. Но вот сбоку вынырнул чудовищно толстый ствол кедра... Славка сильно оттолкнулся одеревеневшими руками и ногами и чуть изменил траекторию. Велосипед звонко брякнулся о дерево, а мальчишка уже отдельно летел через подрост слева от столкновения. Внизу блеснула вода. Похоже, по дну оврага протекал ручей. «Лишь бы глубоко!»

В поток он вошёл боком. Но смог извернуться грудью вверх. Выпрямился всем телом, напряг спину, чтобы максимально использовать помощь воды. «Как можно сильнее замедлить скорость!» Ушёл с головой и ногами. Всё ниже, ниже... «Не бывает в ручье такой глубины!» И тут же безжалостное дно ударило в поясницу. Каримат и рюкзак приняли столкновение, распределили по алюминиевой раме. Но всё равно сотрясение было сильным. Наконец Славка смог подняться. Глубина оказалась почти по грудь. Ручей, в остальных местах едва достигавший середины голени и не превышавший метр в ширину, тут вырыл в каменистом ложе нишу, в центре которой он и стоял. Повезло! Мальчишка неуклюже выбрался на берег. Руки-ноги целы. Сотрясений и переломов вроде нет. Да и вообще – жив.

Трясущимися руками сбросил рюкзак. Начал бороться с намокшими петлями одежды. Не сразу, но смог раздеться. Показалось, или сзади зашуршало?! Здесь же медведи водятся! Как был, голышом, выхватил туристический нож. Несколько минут стоял, чутко прислушиваясь, выставив вперёд широкое кизлярское лезвие. Постепенно донимавший холод и первобытное оружие в руке привели в чувство. А осенний лес словно ожил. Славка всей шкурой ощутил его сезонное засыпание, успокаивающий шелест крон. Крупного зверя рядом не было...

Наконец вспомнил, что отец, опытный турист, помогал запаковать в целлофан сменный комплект одежды и лёгкие кроссовки. Оказалось, вода не проникла к ним. Никогда ещё сухое чистое бельё и старенький свитер не были так приятны. А уж сухая обувь! М-м-м... Райское блаженство. Мокрое как мог отжал, запихал внутрь вместительного рюкзака и пошёл вверх. Прямо по следу борозды, что оставил на склоне. Вот и велосипед. Что тут у нас? Педаль погнута, на колесе восьмёрка. Но, в целом, вроде не очень критично. Даже камеры не лопнули. Неплохой велик в Тайване сделали! Сразу накатила нежность к отцу. Именно батяка выбирал эту марку и собирал Славку в поездку. А он-то, дурак, ещё ворчал: «Мы покатаемся с тобой собрались или на Северный полюс?»

Ладно, это всё потом. А что со связью? К сожалению, айфон не только ничего не ловил, но даже и не показывал. Похоже, не пережил уральского экстрима. Славка смог придумать только один план – выбраться на тропу и поехать (если велик исправен) в обратную сторону. Где-нибудь он должен найти знакомые места. А там, глядишь, и отец отыщет. Ну, или сам выберется к ВИП-санаторию, откуда они с папой выехали сегодня после завтрака.

Вот только путь наверх оказался куда сложнее. Мокрая глина и трава сильно скользили, Славка всё время срывался. А уж ещё и переть на себе сразу две тяжеленные вещи! Просто нереально. Он быстро вымотался. Велик как раз удачно зацепился звёздочками об обломанные ветви, а рюкзак точно встал в проём рамы. Сам горе-турист обессиленно прислонился к склону, пытаясь восстановить дыхание. Но очень скоро почувствовал спиной сырой холод. Жаль, что куртка тоже мокрая! Сейчас была бы весьма кстати. Он тоскливо посмотрел наверх. Не так уж и далеко осталось. На вид – метров пятнадцать-двадцать. Но только не с грузом. Оставить всё здесь и попробовать пешком? Не факт, что потом найдёт. А стоит ли вообще искать?

Холод донимал всё сильнее. Да нет, похоже, вопрос стоит по-другому: стоит ли бросать? Ещё немного, и он просто замёрзнет в своём тонком запасном свитерке. А здесь, хоть и мокрая, но куртка. Каримат, опять же. О! Там же зажигалка где-то есть. Ну, и нож. От медведя, конечно, не отобьёшься. Но всяко лучше, чем вообще без него. А велосипед – это же сокращение пути раза в четыре! За счёт разницы в скорости и затрачиваемых на перемещение усилий.

Дыхание понемногу пришло в норму, и Славка начал соображать лучше. В идеале бы вылезти налегке, а велосипед и рюкзак отсюда на какой-нибудь верёвке вытащить. Только где же её взять посреди глухого уральского леса? Почти тайги. Он внимательно покрутил головой. Кедр, кусты. Рыже-зелёная, начавшая облетать листва. Пропаханный им склон тоже не радовал разнообразием. Ежевика, что-то вроде акации (как не ободрался-то до костей?), свежая борозда в глине, да небольшие округлые валуны, вывернутые из почвы. Один чем-то привлёк внимание. Грубый, грязно-коричневый бок блеснул ровной гранью. Стекло там, что ли? Откуда? Пытаясь оправдать перед самим собой отсрочку возобновления подъёма, добрался до кривой штуки и взял в руки. Хм, а ведь это не камень! Больше всего некрупный, в треть кулака предмет, напоминал насквозь проржавевшую железяку. Хотя на ощупь походил на грубый кафель. Сбоку красовался свежий скол, в котором тускло блестела абсолютно ровная поверхность. Уж не драгоценный ли камень? Недра Урала-батюшки славятся богатствами. Ещё Бажов воспевал... В любом случае – интересная штукация!

Славка засунул находку в карман двадцатидвухлитрового туристического рюкзака, вытащил из него и развесил на ближайшем кустике мокрую куртку (авось хоть немного просохнет!), а затем начал срезать с щегольского нерусского «сидора» многочисленные крепёжные ремешки. В итоге их удалось скрепить в почти четырёхметровую верёвку, с помощью которой в несколько заходов выволол наверх сначала велосипед, а затем и остальные вещи.

Сил почти не осталось. К тому же в лесу уже сгустились сумерки. Так что продолжать путешествие не было ни возможности, ни желания. Кстати, вспомнились слова отца о том, что осенью зверь в лесу обычно сытый. Просто так к людям не лезет. Особенно если огонь развести, да ружьишко иметь. Те же топтыгины огнестрельное оружие срисовывают на раз и сильно уважают. В том смысле, что на прямую видимость стараются не лезть. Конечно, ничего подобного тут не было, но мальчишка резонно рассудил, что и новенький тайваньский велосипед может дать для зверя похожий вид и запах. Тем более ночевать где-нибудь на ветке холодной сентябрьской ночью совершенно не хотелось.

Он кое-как оттащил имущество подальше от коварного склона, тупо проломив проход в кустах. А затем выбрал более-менее ровную площадку между кондовыми кедрами. Остаток светлого времени ушёл на сбор хвороста и больших старых шишек. За это время Славка полностью осушил пластиковую бутылочку, что крепилась под рамой велика. Хоть и устал, но не поленился вновь спуститься к ручью. Во-первых, напился впрок, а во-вторых, пополнил запас воды. Подниматься пришлось почти в темноте, но справился.

Казалось, сил не осталось вообще. Но навалившийся собачий холод быстро вытеснил усталость. Сначала мальчишка запалил костёр. Однако быстро понял, что большая часть тепла уходит в никуда. Пришлось соорудить навес. Тут вновь пригодился нож. Снова добрым словом вспомнил отца. Сидя на подсохшем рюкзаке, перекусил третью шоколадного батончика, который батя почти силком впихнул ему в рюкзак: «Идёшь в лес – возьми еды на сутки!»

Вот только холод продолжал донимать. Развесил вокруг на сучьях мокрую одежду: куртку, джинсы, водолазку, бельё и дорогие «гортексовские» кроссовки. Получившаяся стеночка сразу запарила, стало заметно теплее. Но спать не получалось. Земля и велик были слишком холодные, даже через каримат. Более-менее удавалось лишь сидеть на рюкзаке и подрёмывать. При этом приходилось постоянно подкидывать шишки в быстро прогорающее кострище, да следить, чтобы не затлела сушившаяся одежда. Через некоторое время Славка почувствовал, что сидеть что-то мешает. Ощупал рюкзак и наткнулся на бугор находки. Странный камень. Вот ведь, блин! Вытащил его и положил рядом, у костра. Вместе с ножом и бесполезным сейчас айфоном. Сидеть сразу стало гораздо удобнее.

Только уже глубокой ночью обратил внимание, что экран гаджета слабо светился. Работает?! Не может быть. Сон как рукой сняло. Взял в руки, провёл пальцем по экрану. Еле виднелась надпись: «Найдено новое оборудование. Установить? Да/Нет». Ну, допустим: «Да».

Появилась полоска загрузки. Вот только всматриваться приходилось будто в отражение отражения. Наконец, распаковалось. Кстати, значок сети на экране так и не появлялся. Голова плохо соображала, но делать всё равно нечего. Хотя какое-то развлечение. Что у нас там?

Ещё более призрачно открылся экран. Девушка. На вид Славкина ровесница. Может, чуть старше. Вроде как внимательно смотрит на него. Вот только одежда... Пальцы привычно «раздвинули» картинку. Личико, конечно, модельное. Достоинство ведущих див Ютуба и Инстаграмма. Славянское, очень миловидное, с точёными чертами. Лишь в серых пронзительных глазах напрочь отсутствовала почти повсеместная сейчас продажность. Они также с жадным любопытством прожигали Славку, шарили вокруг. Вот два тёмных полукружия закрыли часть экрана. Резко разошлись в стороны и исчезли. Тоже «раздвинула»?

Волосы незнакомки полностью скрывала кипенно-белая накидка, спадавшая из-под... диадемы? Как называется большой массивный обруч для головы, более высокий в передней части? Впрочем, судя по выпуклым рельефным украшениям в виде вьющихся стеблей и «плодов» из цветных камешков, это могла быть и корона. Ворот странный, цилиндрический, с ярким симпатичным узором. А вот само платье – прямоспадающее, заметно расширяющееся книзу, с редкими неровными полосами. Тоже очень приятное на вид. За спиной незнакомки смутно просматривался какой-то не то парк, с непривычной технозастройкой, не то зелёная улица мегаполиса. Неторопливо пролетело что-то вроде посверкивающего ключа для велосипедных спиц – круглое плоское основание с выпирающим рылом и таким же хвостовым шпёнком. В головной части вроде как кабина. Ни винтов, ни крыльев. Интересно, что за фиговина?

А взор уже вернулся к незнакомке. Та немного растерянна и радостно улыбалась. Ему. Изнутри вдруг обдала волна тепла. Аж уши загорелись. А по телу, наоборот, прошла волна «гусиной кожи». Так, она что-то показывает руками. Просит повернуть? Интересно, что?

Через некоторое время взгляд остановился на тёмном бугорке подобранного камня. Ровная поверхность внутреннего кристалла слабо поблёскивала. Если что-то и поворачивать, то только его. Взял в руки, и изображение в айфоне вдруг резко дёрнулось. Так, спокойнее. Это какая-то камера, похоже. Аккуратно, стараясь вести плавно, обвёл «зрачком» камня всю поляну, костёр и сушившиеся шмотки. Затем положил на место. Красавица благодарно кивнула, и Славка испытал ни с чем не сравнимое удовольствие. Такого он ещё не переживал! Теперь визави уже вела своей камерой. Всё-таки вокруг неё был город. Акведуки, террасы, непривычные строения приятных геометрических очертаний. Море зелени и движения. В том числе и в воздухе. Фантастический фильм? Или будущее? Не сразу понял, что едва видимое изображение айфона начало ещё более бледнеть. В последний раз мелькнул силуэт очаровательной незнакомки... Она, похоже, тоже встревожилась. Но на экране больше ничего не отобразилось.

Напрасно Славка тряс айфон и камень-«камеру», приближал их к огню и даже стучал обухом ножа. Лишь с находки обсыпалась кусочки, обнажая что-то внутри. Мальчишка аккуратно завернул оба свои сокровища в просохшую майку и спрятал в рюкзак. Нужно срочно выбираться отсюда! Взор восхитительной незнакомки продолжал жечь кожу. Господи, вот это девушка! Не чета... Иным прочим.

Его уже не пугали ни ночные трески, ни зловещие звуки во тьме леса. Он найдёт её! Во что бы то ни стало. Вот только где у нас такой город? Что-то вроде «фантастических» курортов Эмиратов? Нужно прошерстить Интернет. Да и снова найдя Сеть, айфон должен показать это «вновь установленное оборудование». Жгучая надежда придала сил.

Славка загодя переоделся в просохшую одежду, импровизированной верёвкой накрепко привязал рюкзак к багажнику велосипеда. Оказалось, что погнутая педаль мешала движению – при вращении упиралась в раму. Блин! Поехать не получится. Пробовал и так, и эдак. Как-то нужно выпрямить. Наконец, догадался встать на раму сверху и изо всех сил потянуть на себя. Вдруг в спине что-то хрустнуло, прожгло болью. Похоже, полёт с обрыва не прошёл даром. Но

мальчишка упорно продолжал тянуть проклятую железяку. И она подалась. Всё ещё задевала металл трубчатого корпуса, но уже срывалась с него, позволяя крутить звёздочки.

Едва начало рассветать, измученный турист позавтракал второй третью батончика. «Пора!» Тщательно затоптал кострище, чтобы не дай бог не начался лесной пожар, и пока-тил в обратную сторону. Погнутое колесо вихляло, подбрасывало седока, от чего позвоночник отзывался прострелами боли. Но в целом движение удавалось. Часа через два Славка услышал голоса добровольных спасателей, что ещё с вечера разыскивали его. А грохот погнутой педали вывел на него мужиков точнее колокольчика на шее заплутавшей коровы.

* * *

Лесной склон «съел» у мальчишки два межпозвоночных диска, хрящи которых буквально выдавило ударом. Зато эта трагедия, да искренняя благодарность вмиг повзрослевшего сына прекратили давний идиотский конфликт родителей. Семья вновь стала прежней, крепкой. Ну, по крайней мере внешне.

А Славка всё пытался повторить ночное подключение. Увы! Разбитый и искупавшийся айфон полностью вышел из строя. А после дорогущего ремонта, обошедшегося вдвое дороже покупки нового аппарата, так ничего и не показал. Не было там никакого «недавно установленного оборудования». Камень с блестящей гранью оказался остатком какого-то древнего механизма. Над ровной пластинкой глазка «камеры» проступило что-то вроде зубчатой передачи из непонятного материала, вросшего в природную керамику.

Славка просерфил в Интернете море информации и узнал, что таких древних техно-артефактов найдено огромное количество. Но все они непостижимым образом куда-то исчезают и НИКОГДА не изучаются официальной наукой. Поэтому камень предусмотрительно не стал никому «светить». А вот с поисками девушки, показавшей ему свой город, оказалось ещё печальнее. Ни один из имевшихся на Земле населённых пунктов (по крайней мере тех, чьи фото и видеопейзажи имелись в Сети) даже близко не подходил под вид того, что пригрезился в осеннем лесу Северного Урала. Не нашёл Славка и близко похожих летательных аппаратов. У него вообще-то сложилось впечатление, что рассматривал тогда далёкое будущее. Но рассыпающаяся окаменелая «камера» более подходила версии, что незнакомка проживала в прошлом. Таком же мощном и прекрасном, но теперь тщательно забытом. Либо – сознательно запрещённом к воспоминанию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.